

Эль Мюрид

ВАХХАБИЗМ

В РОССИИ

теория и практика террора

Любая сложно организованная система обладает определенным запасом устойчивости, позволяющим ей противостоять внешним и внутренним угрозам, помогая преодолевать сложные этапы кризисов. Безусловно, этот запас небес-пределен, и в конце концов, если система не находит новую точку устойчивого равновесия, он может закончиться.

Наша страна уже прошла один этап распада, не выдержав груза проблем, которые накопились за время советского прошлого. Однако и «молодая 20-летняя Россия», как с детской непосредственностью назвал свою страну такой же молодой умом и непосредственный экс-президент, пока тоже не демонстрирует своей способности найти путь устойчивого развития. К сожалению, пока идут обратные развитию негативные процессы, «съедающие» оставшийся запас прочности.

В таких условиях совершенно неудивительно, что наша страна оказалась беззащитной и неспособной уверенно противостоять различным угрозам — как внешним, так и внутренним. Их перечень занял бы не одну страницу, однако автор взял на себя смелость повести разговор только об одной из них, которая носит несомненно внешний характер, однако в связи с запущенностью проблемы

она давно уже переросла в угрозу внутреннюю, оттого гораздо более опасную и серьезную. Имя этой угрозе — ваххабизм.

Идеология, возникшая в 18 веке на далеких пустынных просторах одного из самых свирепых по своим природным и климатическим условиям месте на земле —

Аравийском полуострове, внезапно появилась на нашей земле. Нарисовалась — не сотрёшь... Появилась в виде вооруженных до зубов отморожков, пребывающих в полной уверенности, что хозяева здесь теперь они, а все остальные —

просто неблагоприятные природные условия, которые надлежит покорить и приспособить под свою жизнь.

Пока эти пришельцы присутствуют здесь в виде своих передовых отрядов. Их основные силы сегодня орудуют хотя и поблизости, но ещё на чужих территориях. Мы можем покорно ждать своей очереди, а можем активно противодействовать им еще на подходах. Однако для этого нужно хотя бы приблизительно понять, в чём угроза ваххабизма, где его слабость и его сила. Что мы должны делать, для того, чтобы не допустить повторения ливийской, сирийской, египетской, йеменской, афганской войн на своей территории. Тем более, что первый бой с этим врагом в Чечне Россия смогла выиграть, пусть в какой-то степени эта победа и не слишком очевидна.

Понятия и определения

Новейшие исторические события, безусловно, проходят под мощнейшим воздействием фактора исламского возрождения. Холодная война, которая характеризовалась блоковым и цивилизационным противостоянием по линии Запад-Восток, в течение короткого промежутка времени сменилась противостоянием по линии Север-Юг, в котором Югом является условный ислам, Севером — условный «цивилизованный мир».

Сегодня широко распространены термины «исламский фундаментализм», «исламизм». Зачастую их используют как синонимы. Однако эти явления совершенно неравнозначны, имеют принципиально разную природу и в своём буквалистском значении описывают совершенно разные явления.

Фундаментализм в общем виде является чисто религиозным понятием, не зависящим от религиозной принадлежности. Он означает незыблемость веры, строгое и неукоснительное соблюдение этических и правовых религиозных норм, исполнение предписаний, вытекающих из фундаментальных (базовых) источников веры. *Исламский фундаментализм* — термин, говорящий лишь о том, к какой именно религии относятся эти воззрения. Сам по себе исламский фундаментализм не может являться движущей силой террора, это лишь определённый набор взглядов. Его можно использовать и для созидания, и для разрушения, и для консервации существующего положения.

Исламизм — принципиально иное явление в первую очередь политического порядка, означающее использование фундаментальных исламских воззрений для ведения политической борьбы и достижения политических результатов.

Поэтому говоря об исламском фундаментализме, корректным было бы вести речь только о религиозной стороне вопроса.

Исламизм же — это идеология, которая используется радикальными сторонниками фундаментальных воззрений для достижения своих политических целей. Радикализм в крайнем его проявлении выливается в терроризм.

Грань между этими понятиями, безусловно, довольно тонка. Ислам вообще сложно отделить от политики. Но грань существует, и поэтому чёткость формулировок, которая не слишком важна в повседневной полемике, обязательна, если речь идёт о попытках понять суть явления.

Именно в политической плоскости нужно искать отличия между разными исламистскими течениями и организациями. Политические цели, которые они ставят перед собой, могут серьёзно не совпадать. Поэтому не совпадают и пути, методы и тактические приёмы при достижении своих целей.

Ряд исламистских организаций выступает за создание обширного халифата, в котором стёрты национальные различия. Другие организации вполне удовлетворяются задачей построения национального государства, опирающегося на ислам, как источник права. К примеру, братья-мусульмане Египта даже на фоне событий августа 2013 года выглядят гораздо более вменяемым течением, чем их коллеги из радикальных салафитских группировок, орудующих в Сирии. «Братья» отдают себе отчёт в том, что построение Халифата возможно только силовым путем, и не готовы идти по нему. Радикальные группировки и течения используют терроризм, как способ достижения своих политических целей — мирным путём реализовать их попросту невозможно. Умеренные исламисты предпочитают идти к своей цели более цивилизованными методами.

Правда, события мая-августа 2013 года в Египте и крушение проекта «братьев-мусульман» как в самом Египте, так и, похоже, во всем регионе Ближнего Востока, говорит о том, что одной вменяемости маловато. Требуются еще и организационные способности, ресурсы, лидеры и ясное понимание своих це-

лей в существующей политической, социальной и экономической ситуации.

Еще одна специфическая особенность, о которой нельзя не упомянуть — трансформация исламистских радикальных группировок. Получив власть на какой-либо территории, перед исламистами в полный рост встаёт выбор — продолжать джихад или начинать обустраивать жизнь на «своей» территории. Это непростой выбор, но если та или иная группировка делает выбор в пользу укоренения и реализации своих идей на занятой территории, она неизбежно начинает сложную трансформацию, конечным итогом которой в идеале становится некая государственная структура, мало похожая на своего родителя.

Такой путь проходит, к примеру, ливанская «Хезболла», которую сейчас крайне сложно отнести к «просто» террористическим организациям, хотя её генезис восходит именно к терроризму. На этом пути исламистская группировка неизбежно проходит этапы раскола, размежевания, выделения радикальной и умеренной составляющей — но альтернативой является лишь бесконечный джихад. Целью которого является он сам.

Именно поэтому невозможно вести речь о некоем абстрактном «исламизме» - он разный у разных исламистских течений и группировок. Иногда совершенно разный.

Для России одной из серьезных и значимых угроз является угроза проникновения на нашу территорию крайне агрессивных исламских течений в рамках цивилизационного конфликта по линии Север-Юг. Так называемый «чистый ислам», вторгшийся на нашу территорию извне, является враждебным проектом традиционному российскому и уже поэтому в борьбе с ним традиционный ислам (как бы ни было некорректно это определение) объективно является союзником России. Уже поэтому смешивание всех мусульман «в одну кучу», не делая между ними различий, играет на руку технологам этих враждебных нам

проектов, разделяя народ страны на враждующие между собой группки.

Говоря о ваххабизме, автор будет употреблять это понятие, отдавая себе отчёт в некоторой неточности этого определения. Однако в нашей стране под этим понятием понимают весь спектр радикальных исламистских течений и организаций. Все они в той или иной мере опираются на фундаменталистские воззрения, которые были сформулированы в трудах, а главное — в практической деятельности исламского богослова и политического деятеля, одного из основателей современной Саудовской Аравии Мохаммеда Абд аль-Ваххаба. Сам он также исходил из идей и трудов ряда живших до него исследователей и последователей ортодоксальных исламских течений, так что речь в конечном итоге идет об идеологической сумме и квинтэссенции взглядов целого ряда теоретиков и практиков радикального ислама, живших в разные времена. Поэтому термин «ваххабизм» на взгляд автора будет вполне допустимым для применения в этой книге.

Исторический контекст возникновения ваххабизма

Ваххабизм как идеология не стал создавать собственную религиозную систему взглядов, а использовал уже существующую ханбалистскую версию толкования ислама, стал одним из самых ранних проявлений исламизма в его современном наполнении. Агрессивное практическое руководство к действию, опирающееся на культ насилия и на сознательную примитивизацию всех своих воззрений, упрощение понятийного аппарата, создание на базе священных текстов краткого цитатника сделали ваххабизм вполне доступным для очень широ-

ких слоёв населения Аравии. При этом ваххабизм создавался в совершенно конкретном историческом контексте и был ориентирован на совершенно конкретного «потребителя», населяющего Аравию, а точнее — совершенно конкретную историческую область Неджд.

В своём аравийском исполнении ваххабизм оказался востребованным в качестве идеологии сборки единого аравийского государства. Идеология оказалась очень устойчивой и жизнеспособной. Несмотря на крушение первых двух государств династии аль-Саудов, в третий раз под теми же знамёнами ваххабитской идеологии Абдель-Азиз аль-Сауд всё-таки сумел собрать на территории полуострова единое государство. Созданный в Аравии и для Аравии ваххабизм однозначно оказался прогрессивным явлением для достижения конкретной поставленной перед ним населением и знатью Неджда задачи.

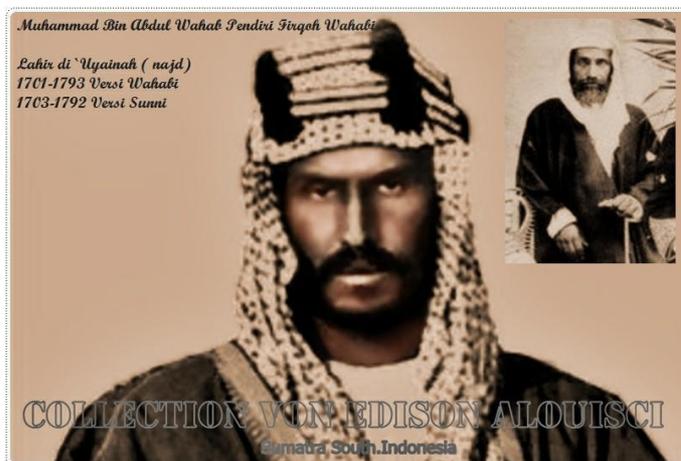
Однако прогресс был немедленно прекращен после того, как государство было создано и прошло свой первый этап становления. Последующие этапы выявили неустранимые проблемы ваххабизма, как уже государственной идеологии. Государство аль-Саудов практически сразу столкнулось с проблемой предельной негибкости и совершенной недоговороспособности ваххабизма для нормального функционирования и деятельности государства.

Чтобы понять эти две стороны ваххабизма, потребуется рассмотреть — пусть кратко и ретроспективно — его становление в качестве идеологии, не затрагивая религиозную составляющую этого течения.

Объединение Аравии и создание королевства династии аль-Саудов стало возможным через создание союза между прозорливым и умным правителем Неджда Мухаммедом Ибн Саудом и шейхом Мохаммедом Абд аль-Ваххабом, в котором Ибн Сауд олицетворял светский фактор этой унии, а Абд аль-Ваххаб — религиозно-идеологический.

Светский правитель Неджда нуждался в духовном освящении идеи объединения племён Неджда, Мохаммед Абд аль-Ваххаб получал покровительство власти и возможность распространения своих идей.

Объективная необходимость объединения Аравии заключалась в крайне тяжелых природно-климатических условиях, которые делали ведение нормальной экономической деятельности невероятно сложным занятием. Мизерное количество пригодных к обработке земель,

жаркий климат и короткий, но чрезвычайно бурный период дождей, которые приводили к катастрофическим потокам воды по руслам вади, не давали возможности производить прибавочный продукт в достаточном количестве. Отсутствие достаточных пастбищных площадей ограничивало поголовье скота. Всё в совокупности приводило к стагнации развития и консервировало сложившийся уклад жизни.

Высокая рождаемость при значительных колебаниях детской смертности создавала постоянный риск перенаселения в благоприятные периоды, которое превращалось в экономическую катастрофу в период неблагоприятных природных условий.

Такая ситуация приводила к постоянному образованию «лишних» людей и способствовала их «выдавливанию» в пустыню (этот процесс называется иначе «номадизацией»). Эти люди не имели никакого иного способа выживания, как создавать банды грабителей, обеспечивающих своё существование грабежом караванов, налетам на скотоводов и земледельцев. По сути, грабительские налеты (так называемые «газа») становились неотъемлемой частью экономической

деятельностью жителей пустыни. Это же превращалось во второй после климатических условий неблагоприятный фактор для развития экономической деятельности в оазисах Аравии, способствовало консервации сложившегося уклада.

Слабая государственная власть находилась в самом зародышевом состоянии, имущественное расслоение было крайне незначительным, племенная знать обладала слишком малыми ресурсами для обеспечения безопасности на дорогах, создания полноценно работающей судебной системы, охраны территорий от набегов внешних врагов. Легитимность власти была невысокой и держалась в основном на традициях. Поэтому возникновение лидера, который мог призвать к объединению, разных кланов и племен, было практически нереальным.

Л.С.Васильев в своём труде «История религий Востока» пишет:

...религия на Востоке всегда делала ставку на стабильность, консервацию существующей нормы, сохранение социально-политического статус-кво.

Во многом обусловленная именно религией внутренняя стабильность, препятствовавшая структурному обновлению и активизации частнособственного начала, мешала развитию Востока, заставляя его веками топтаться на месте.

Вторжение европейского капитала и колониальные захваты дали толчок разложению старой структуры и медленному, крайне болезненному созданию новой. Болезненному потому, что внутренне восточные общества оказались недостаточно подготовленными к кардинальной трансформации такого рода.

Учение Абд аль-Ваххаба, таким образом, стало своеобразной реакцией на вестернизацию, начало болезненной трансформации исламского традиционалистского общества. Маркс, говоря об «азиатском способе производства», не об-

ладал в XIX веке всей полнотой знаний о Востоке, но вслед за Гегелем совершенно верно уловил главные особенности Востока: слабость индивида перед государством и олицетворяющим его деспотом, существенную ограниченность роли частного сектора и товарно-денежных отношений. Из этого вытекала совершенно иная, чем в Европе, социальная структура, политические и иные институты.

Разложение ближневосточной региональной сверхдержавы Османской империи вело к тому, что на пограничных с Европой территориях началась экспансия европейского образа жизни, переформатирование всей системы взаимоотношений, глубокая трансформация цивилизационной сущности исламского общества. Свирепость, с которой ваххабиты 18 века искореняли вольность нравов священных городов Мекки и Медины, вполне показательна — именно западное побережье Аравии ориентировалось на столичные нравы Османской империи, которые вгоняли в неистовство фундаментальных адептов нового Учения.

Дерьийский шейх Ибн Сауд первым и единственным среди всей недждийской знати увидел в Абд аль-Ваххабе и его учении инструмент для объединения племён Неджда. Задачей Абд аль-Ваххаба в созданной унии была легитимация претензий Ибн Сауда на верховную власть вначале в Неджде и его права на объединение всех недждийских племён, а затем и на всём полуострове. Авторитет Мохаммеда Абд аль-Ваххаба среди новообращенной паствы был чрезвычайно высок благодаря простоте понимания его идей и воззрений, его личным качествам. Агрессивные и воинственные последователи нового учения вполне восторженно восприняли идею объединения под знамёнами Саудов для ведения священной войны, которая на совершенно законных основаниях давала им право обогащаться за счёт побеждённых. «Газа» (набег) традиционно являлся одним из способов ведения хозяйственной деятельности в пустыне, был своего

рода культурной традицией, и поэтому идея набегов, освящённых религиозным подтекстом, была понятна и приемлема для всех адептов аль-Ваххаба.

При этом объективно «священная война» давала возможность сохранить свою цивилизационную идентичность народам, столкнувшимся с агрессивным и молодым европейским колониализмом, который к середине 18 века находился в прекрасной форме, получил опыт проникновения и подавления иных цивилизаций.

Ещё одной важной особенностью учения Абд-аль-Ваххаба являлось его обоснование подчинения эксплуатируемых классов своим правителям. Декларируя построение гармоничного социального общества, аль-Ваххаб по сути лишь упорядочивал угнетение, вводя его в определённые рамки и регламентируя обязанности всех социальных групп. С одной стороны это вызывало одобрение самих угнетённых, которые видели в учении меньшее зло по сравнению с произволом власти и эксплуататоров, с другой — обеспечивало необходимую легитимацию действий власти по отношению к подчинённым слоям населения и грозило неотвратимостью наказания восставшим против гнета властей.

При этом предельная жёсткость воззрений Абд аль-Ваххаба, позволяющая применять принцип целесообразности, не вдаваясь в доказательство неверия (*куфр*) или многобожества (*ширк*) своих противников, их агрессивность и практически полная вседозволенность по отношению ко всем противникам привели к тому, что негласные правила ведения пустынных войн сменились почти полным их отрицанием. Воинам Ибн Сауда позволялось всё. Адепты нового учения стали ударным кулаком династии, с помощью которого она сокрушала своих противников.

Абд аль-Ваххаб обосновал и потребовал отменить добровольный характер закята (пожертвований). Централизованно собираемый закят стал финансовым

ресурсом Ибн Сауда, так же как и его доля от добычи. Таким образом была создана пусть и в зачаточном виде, но налоговая система, которая позволила неждийскому правителю сконцентрировать в своих руках ресурсы, недоступные остальным пустынным шейхам, и немедленно поставило его в заведомо преимущественное положение по сравнению с ними.

После возникновения в центре Аравии первого государства Саудов население очень быстро ощутило целый ряд положительных последствий — в первую очередь, существенно оздоровилась ситуация с грабежами на дорогах и набегами бандитов. Это в значительной степени благоприятно отразилось на авторитете как Ибн Сауда, так и Абд аль-Ваххаба. Настолько благоприятно, что даже после их смерти и после крушения первого государства аль-Саудов в результате войны с экспедиционным корпусом османского военачальника Мухаммеда Али Паши, население с воодушевлением встретило воссоздание второй версии государства аль-Саудов, которое как и первое, смогло просуществовать около семи десятилетий.

Однако самую основную проверку на прочность уния между секулярной и религиозно-идеологической ветвями этого союза выдержала во время сборки третьей версии Аравийского государства. Основатель нынешнего Королевства Абд аль-Азиз ибн Сауд, опираясь на религиозный авторитет клана Аш-Шейх, потомков Абд аль-Ваххаба, сумел в короткий срок создать движение ихванов (религиозное военное ополчение) и в очередной раз в после непростой и жестокой пустынной войны в 1932 году провозгласить создание Саудовской Аравии.

Почти два столетия — с середины 18 почти по середину 20 века — продолжалась борьба за объединение исторических областей полуострова, и всё это время идеологией объединения продолжало оставаться учение Мохаммеда Абд аль-Ваххаба. Уже поэтому нельзя не видеть, что ваххабизм как политическая идеология, является очень действенным инструментом, с помощью которо-

го была произведена сборка мощного централизованного государственного образования, способного противостоять разрушительному воздействию чуждой цивилизации. Эта особенность Учения крайне важна для дальнейшего понимания его роли в сегодняшнем мире, и стагнация Саудовской Аравии после своего образования и утверждения своей состоятельности не должна никого обманывать. Целью сборки этого государства было не развитие, а консервация, и как только эта цель была достигнута, необходимость в агрессивной идеологии монтажа государственности стала излишней.

Агрессивность учения сопровождалась преимуществами, которое оно давало взявшим его на вооружение традиционалистским силам. Немаловажным являлось идеологическое оправдание действий адептов учения. Принявшие учение могли вести против «неверных» и «многобожников», которыми являлись практически все окружающие противники, уже не просто грабительские набеги, а священную войну за веру (джихад). Это принципиально меняло картину происходящего и освящало завоевательные походы времён становления Саудовской Аравии.

При этом ваххабиты тщательно истребляли все признаки многобожия на захваченных территориях — вырубались «священные» деревья, разрушались могилы праведников, искоренялся культ святых, подрывая тем самым экономическую основу паломничества к этим местам и лишая дохода жителей и знать захваченных оазисов. Тем самым адепты Учения вынуждали присоединяться к своему движению всё новые территории, вынужденные принимать новые правила для собственного выживания.

Стоит отметить, что ведущаяся прямо сейчас война в Сирии между боевиками-исламистами и светской властью носит точно такой же характер — боевики разрушают все попавшие в зону боёв мусульманские святыни, уничтожают памятники и священные места паломничества. К примеру, в Дамаске в зону

боёв попала мечеть Сукейна, в которой захоронена внучка Пророка. Мечеть подверглась варварскому разрушению, боевики сознательно использовали её в качестве опорного пункта обороны, вынуждая армию либо разрушить мечеть, либо ценой потери людей и времени освободить её с минимальными повреждениями. Так же в Алеппо были разрушены древние мечети и памятники всемирного значения, включенные в реестр организации ЮНЕСКО.

Ведя войну против «неверных» и «многобожников», ваххабиты во время сборки государства аль-Саудов в то же самое время вели борьбу и против ханифитского ислама Османской империи, обосновывая освободительную войну против иностранного господства религиозными мотивами.

Историк А.М. Васильев в своём труде «История Саудовской Аравии (1745-1973)» пишет:

«...Идеология ваххабизма была продуктом серьезного духовного кризиса в Аравии, в основе которого лежали экономические и социально-политические факторы.

Это учение образовало крайнее крыло ханбализма: оно отвергало все «новшества» (бид'а) в догматике и культуре, требуя возвращения к Корану и первоначальной Сунне, и только к ним.

В социальном плане ваххабизм стоял на службе интересов знати, он освящал, упорядочивал и маскировал отношения эксплуатации и гнета. Одновременно он нес в себе элементы, свойственные эгалитаристским, уравнительным движениям, что привлекало к нему широкие массы аравийского населения.

Противопоставляя ваххабитов всем прочим мусульманам, учение Ибн аль-Ваххаба превращало их в сплоченную секту, разжигало фанатизм. Необходи-

димось священной войны против «многобожников», провозглашенная в учении, делала его знаменем завоевательных войн и набегов.

Ваххабизм стал идеологическим оружием движения централизации на Аравийском полуострове.

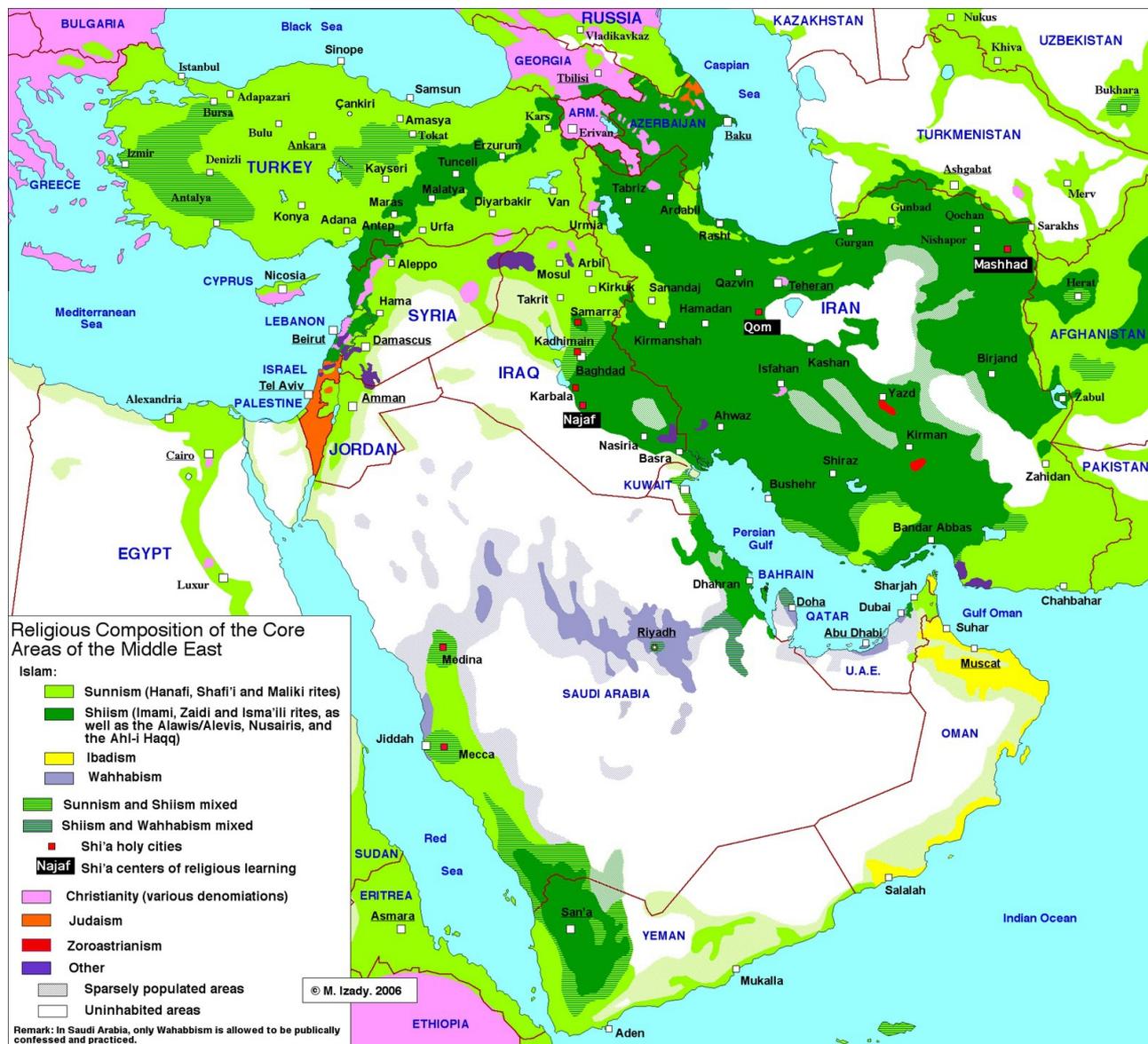
Он освящал политическую и военную борьбу неждийской знати за преобладание в Аравии, прежде всего против хиджазцев.

Выступая против господствующей формы ислама в Османской империи, ваххабизм служил идеологическим оформлением национального движения аравийских арабов против турок...»

Тем не менее, конфликт между секулярным и религиозно-идеологическим крыльями унии династии аль-Саудов и религиозными фанатиками-ихванами был заложен изначально.

Ваххабизм, будучи объединительной идеологией для сборки социального субъекта, не мог распространяться за пределы довольно чётко очерченного ареала. Основатель нынешнего Королевства Абд аль-Азиз ибн-Сауд столкнулся с тем, что после объединения исторических областей полуострова продолжение экспансии столкнулось с упорным сопротивлением народов, живущих в иных социальных, экономических условиях, стоящих на более высокой ступени развития общественно-политического устройства. Кроме того, возникли проблемы и во внутренней политике. Непримируемость ваххабитов к ширку и его проявлениям создала ситуацию, при которой поклонение Двум святыням становилась в рамках Учения колоссальным конфликтом со всем остальным исламским миром. Ежегодный хадж приносил серьёзный доход, который был основным источником поступлений в казну. Абд аль-Азиз просто не мог скрупулёзно действовать в рамках Учения Абд аль-Ваххаба в этом случае, и был вынужден в ка-

честве исключения признать право всех мусульман вне зависимости от их принадлежности к тем или иным ветвям ислама на совершение хаджа.

Однако с течением времени баланс влияния в этой паре неуклонно смещался в сторону секулярной власти. Собственно говоря, это вполне устраивает клан Аш-Шейх, хотя он оказывает определённое противодействие слишком резким шагам по введению новшеств. Таким образом, ваххабизм, будучи встроеным в систему государственной власти, оказывается вполне способен конструктивным действиям, пусть и в ограниченном объёме. Негибкость Учения и гиперконсерватизм его адептов создаёт колоссальные сложности для динамичного

развития страны, однако сегодняшние «официальные ваххабиты» отличаются в своей практической деятельности от ваххабитов в пору создания и расцвета этой идеологии весьма и весьма существенно.

Дело доходит до того, что нынешние исламские радикалы отчётливо выражают недовольство позицией духовных лидеров ваххабитской верхушки Саудовской Аравии:

«...ранее верховный муфтий Дома Саудов Абду-ль-Азиз Али аш-Шейх назвал призывы к Джихаду в других мусульманских странах «предательством родины».

Также муфтий Абду-ль-Азиз настоятельно советовал молодёжи не ехать на Джихад в Сирию, потому что там якобы «неизвестно под каким знаменем воюют».

В этой связи вырисовывается довольно интересная картина: деятельность придворных учёных вписывается в стремление Запада и его марионеточных арабских княжеств сдержать приток иностранных мусульманских добровольцев в Сирию, дабы не усилить дальнейшую исламизацию рядов повстанцев.

В то же время саудовский режим признаёт в качестве полноправного, единственного и законного представителя сирийцев христианско-демократическую «нацкоалицию», последовательно укрепляя её легитимность на международной арене...»

(сайт UMMANEWS.com, статья «Саудовские банкиры сообщили о «подозрительных счетах для сирийцев» от 20.06.2013/11.08.1434)

Неспособность Учения Абд аль-Ваххаба разрешать противоречия между

своим содержанием и окружающим миром, полное неприятие новшеств привели к тому, что дальнейшая экспансия за пределы исторических областей Аравии оказалась невозможной. Сопротивление нашествию фанатичных ихванов становилось столь велико, что угрожало уже стабильности только что воссозданному государству аль-Саудов. Король отчётливо понимал, что адепты Учения могут существовать лишь в ограниченном ареале обитания.

Эта особенность ваххабизма также является предельно важной для понимания внезапного ренессанса и широкого распространения его в конце 20 — начале 21 века. Ваххабизм способен восприниматься массами, которые живут в условиях деградировавшего до наиболее примитивных уровней развития общества, в среде малообразованных и угнетённых людей, не способных к сложным методам познания окружающего мира. Развитие светских проектов в исламском мире после обретения независимости от колониального господства европейских стран в период после Второй мировой войны фактически поставило крест на возможности распространения ваххабизма, ограничило его существование лишь территорией Саудовской Аравии, где он также серьёзно трансформировался под воздействием смещения баланса в сторону секулярной власти. По сути, классический ваххабизм стал реликтом ушедшей эпохи и ему была уготована забвение.

Однако забвения не произошло. Исламская цивилизация всегда помнила, что обладает инструментом консервации и сохранения своей идентичности. Крах светских проектов в арабском мире, выразившийся в Арабской весне, не мог не вызвать к жизни казалось бы забытое старое.

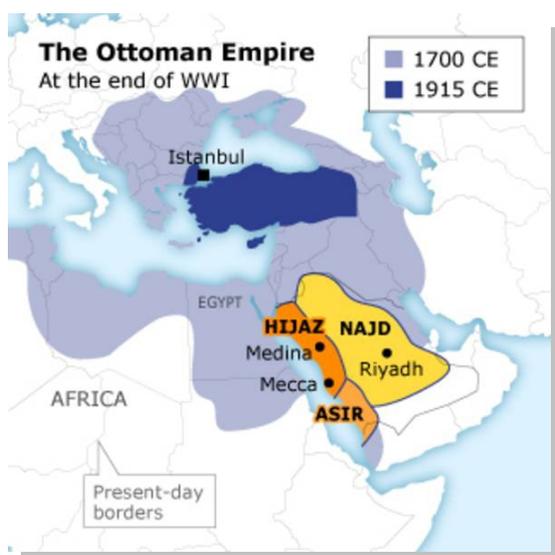
Мохаммед Абд аль-Ваххаб. Исторический портрет

Основатель ваххабизма Мохаммед ибн Абд-аль-Ваххаб — реальная историческая личность. Родился в 1703/1704 году в Неджде, центральной области Аравийского полуострова. Выходец из племени тамим, из которого, кстати, происходит и правящая династия Катара аль-Тани, что даёт ей право претендовать на свою знатность и значимость по сравнению с королевским домом аль-Саудов.

Отец Мохаммеда Абд-аль-Ваххаб ибн Сулейман был судьёй (кади), как и его дед. После смерти Абд-аль-Ваххаба Мохаммед некоторое время также был судьёй. Молодой Мохаммед уже к 10 годам выучил Коран, хадисы и толкование Корана. Женившись в 12 лет, он совершил паломничество в Мекку. В период своей юности Мохаммед путешествовал по территории Аравии и Ирака, учился у многих видных богословов своего времени.

Уже в молодости Мохаммед Абд-аль-Ваххаб отличался крайней религиозностью и обладал даром убеждения. Являясь приверженцем ханбализма, рас-

пространённом среди жителей аравийских оазисов, молодой, еще не достигший 20-летия Мохаммед видел отличие реальной жизни развращённой знати в крупных городах Османской империи от крайне тяжелого положения простых людей. Именно тогда Мохаммед пришел к выводу, что несправедливость существующего устройства жизни связана в первую очередь с извращениями норм истинного ислама. Вывод, который сделал

Мохаммед Абд-аль-Ваххаб, он пронёс в дальнейшем через всю жизнь. Изучая труды известных богословов, и в первую очередь основоположника ханбализма багдадского теолога Ахмеда Ибн Мухаммеда Ибн Ханбаля, аль-Ваххаб лишь укрепился в мысли, что только «чистый ислам» может служить основой социальной справедливости и нормам жизни по заветам Пророка.

Молодой Мохаммед довольно бесстрашно проповедовал свои взгляды среди знати Басры, за что и был в конечном итоге изгнан из города и чуть не погиб. Вернувшись в Неджд, молодой богослов поселился вначале в Эль Хасе, где продолжил обучение у известного в то время теолога Абдаллаха ибн Абд аль-Латыфа. Затем Мохаммед Абд-аль-Ваххаб переехал жить в оазис Неджда Хураймалу, куда впоследствии прибыл и его отец, бежавший от преследования со стороны нового правителя Айяны.

В период жизни в Хураймале Мохаммед Абд-аль-Ваххаб написал свой первый труд «Книга единобожия». Постепенно авторитет нового вероучителя распространялся по близлежащим территориям — Айяне, Эд-Дирьии, Манфухе.

После смерти отца Мохаммед на какое-то время стал кади вместо него, однако очень быстро его жесткость и нетерпимость в вопросах соблюдения норм и правил «истинного» ислама привели к конфликту с частью жителей оазиса. Дело дошло до попытки убийства Мохаммеда Абд-аль-Ваххаба, и он был вынужден бежать. После побега аль-Ваххаб предпринял новые путешествия в Басру, Багдад, Дамаск, Курдистан и, наконец, в Иран — в один из ведущих богословских центров Кум. Во время своих путешествий он изучал суфизм, философию Аристотеля, знакомился с жизнью и бытом, культом и верованиями разных народов, населяющих территорию Аравии и Ближнего Востока.

Мировоззрение молодого Мохаммеда Абд-аль-Ваххаба получило мощный

толчок при изучении трудов раннеханбалитских теологов Таки Ад-Дина ибн-Тамийи и Ибн аль-Кайима, живших в середине 13 века. Они, как и аль-Ваххаб, жили в период разобщённости мусульман, углублявшихся социальных разрывов и дифференциации исламского общества.

Исторический контекст времени, в котором жил Мохаммед Абд-аль-Ваххаб, является, пожалуй, одним из наиболее значимых факторов, которые могут помочь понять истоки зарождения того учения, которое прочно ассоциируется с именем аль-Ваххаба.

Исключительно низкий уровень производительных сил Неджда воспроизводил традиционный родоплеменной уклад жизни, бесконечные грабительские набеги, не позволявшие сколь-либо успешно вести повседневную экономическую деятельность. При этом Османская империя, являвшаяся сюзереном аравийских карликовых эмиратов, являла собой образец разложения и отступничества. Происходило размывание традиционных ханбалитских представлений, характерных для Аравии, начиналось проникновение маликитских и ханифитских воззрений, размывался монотеизм, происходил возврат к доисламским языческим нормам, искажались принятые в Аравии нормы шариата. Бедуины-кочевники, живущие в пустыне, вообще считались мусульманами очень условно — они практически не соблюдали предписанные обряды, густо смешивали в своих представлениях языческие и исламские нормы, скептически относились к шариату, предпочитая жить традиционными представлениями.

В этих условиях учение аль-Ваххаба, призывавшего очистить ислам, вернуться к его истокам и на этой базе восстановить социальную справедливость, безопасность нашли отклик как среди живущего в тяжелейших условиях населения Неджда, так и среди недждийской знати, остро нуждавшейся в объединительной идеологии, которая позволила бы им преодолеть межплеменные распри и раздробленность. Сошлись два интереса разных классов и сословий недждий-

ского общества, которые позволили создать унию между светской властью и религиозной потребностью в новой объединительной идеологии.

Автор особо хочет отметить, что не считает своей задачей подробно осветить религиозную подоплёку и теологические тонкости ваххабизма. В рассматриваемом контексте более важным представляется понимание того, чем именно ваххабизм оказался столь привлекательным для широких народных масс Аравии в 18 веке. Поняв это, можно попытаться дать ответ и на более значимый вопрос — что именно способствовало его ренессансу в наши дни.

Нужно отметить, что исламские теологи, и современные аль-Ваххабу, и жившие впоследствии, не находили ничего принципиально нового в его учении. Они утверждали, что учение аль-Ваххаба является лишь возрождением ханбализма в его наиболее жесткой сверхортодоксальной версии, который к тому времени существенно сдавал свои позиции иным исламским течениям и даже языческим представлениям доисламской эпохи. Так это или не совсем так, на самом деле не совсем важно. Выдающийся советский ученый-востоковед, исследователь истории Саудовской Аравии А.М.Васильев в своём труде «История Саудовской Аравии (1745-1973)» пишет:

«...В средние века религия была господствующей формой идеологии. Политические и социальные течения принимали религиозную форму или прикрывались религиозной оболочкой. Поиски новых идеологических форм, новых идеологических одежд для выражения нового общественного содержания — дело сложное, долгое и неблагодарное. Этим, как правило, сопровождалось лишь крупнейшие из исторических переворотов.

Мелкие социально-политические движения вынуждены были довольствоваться старыми идеологическими одеждами. Чаще всего они использовали ту религию, которая была в наличии. Для истории мусульманских стран это было

еще более характерно, чем для истории христианских...»

Говоря иначе, Мохаммед Абд-аль-Ваххаб, не изобретая ничего нового, использовал существовавшие ранее воззрения, приспособил их к текущей исторической ситуации, и на этой базе создал не столько новое слово в богословии, сколько новое в практике их применения.

Квинтэссенция воззрений аль-Ваххаба, которая и стала основой явления, известного нам под именем «ваххабизм», заключается в неукоснительном следовании шести основным принципам.

«Таухид»

Центральный принцип и столп ваххабитской доктрины. Таухид — единобожие, религиозный монотеизм. Аллах есть три ипостаси — Основатель, Кормилец и Распорядитель. Всё сущее создано им, и только ему принадлежат любые проявления божественного начала и воли. Даже основной столп ислама «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — Пророк Его» в воззрениях аль-Ваххаба выглядит так, что поклонение возможно только самому Аллаху, Пророк является лишь обычным человеком, избранным для проведения воли Бога и донесения её до остальных людей. Несоблюдение принципа таухид даже в мельчайших деталях автоматически является многобожием («*ширком*») и карается по самой высшей мере.

«Тавасуль»

Вплотную к таухиду примыкает принцип тавасуль — посредничества. Между Аллахом и верующим нет и не может быть никаких посредников. Влияние Аллаха осуществляется напрямую от Бога к человеку. Поэтому категорическое неприятие аль-Ваххабом принципа посредничества в практическом плане означало строжайший запрет обожествления людей, предметов или мест. Нет и

не может быть священных могил, священных предметов или святых людей, в которых присутствует даже искра Бога. Человек находится под прямым покровительством Аллаха и поэтому не нуждается в посредниках при общении с Ним.

Именно отсюда исходит категорический запрет на посещение могил, захоронений, любых святых мест и мест паломничества. Это ведет к наполнению этих мест или предметов Божественной сущностью, что автоматически означает многобожие и отказ от принципа таухид. Равным образом запрещается надевать святостью любого человека, хотя уважение к деятельности подвижников и ревнителей веры этот принцип не отменяет.

«Такфир»

Такфир — обвинение в неверии («*куфре*») — для Мохаммеда Абд-аль-Ваххаба означал, что декларирования приверженности к исламу, отправления религиозных обрядов совершенно недостаточно для того, чтобы считаться мусульманином и подтвердить свою приверженность таухиду. Сама по себе конструкция такфира в исламском праве весьма непростая и трактуется совершенно по-разному различными мазхабами. Эта проблема была решена аль-Ваххабом радикально. Он признал истинными мусульманами лишь тех, кто является последователем его учения. Остальные автоматически превращались в отступников-многобожников, причём мусульманин-отступник в глазах ваххабитов являлся большим злом, чем даже язычник доисламской Аравии («*джахилийя*»).

Значительную часть бедуинов Аравии вообще сложно было отнести к мусульманам. Они слабо соблюдали ритуалы, практически не применяли в своей повседневной деятельности нормы шариата, исповедуя систему ценностей крайне прикладного характера. Приобщение их к исламу было возможно лишь в его предельно упрощённом примитивистском виде.

Поэтому основными «потребителями» нового Учения были во многом невежественные и простые люди, неспособные разобраться в сложных и многослойных конструкциях богословия. По сути, аль-Ваххаб в данном вопросе дал право руководствоваться принципами, похожими на знакомые нам принципы «революционной целесообразности». Что является целесообразным — решали духовные наставники, которым надлежит слепо повиноваться во исполнение принципа *«таклид»*.

Как раз эта простота в вынесении приговора в неверии и стала весьма рациональной в практическом применении нового учения. Любой человек мог быть обвинен в куфре без особых и сложных разбирательств, при полном отсутствии сколь-либо внятной доказательной базы. Приговор вероучения в этом случае является единственно возможным — смерть. Необратимый поступок, после которого даже открывшаяся впоследствии ошибка уже не способна изменить ситуацию. Такой подход оказался крайне полезен в практической деятельности по искоренению своих противников.

«Иджтихад» и «таклид»

В исламском праве таклид — следование религиозному авторитету. Иджтихад — усердие в изучении богословия и канонов ислама. В общем виде понятие иджтихада можно понять как «исследование, изучение тонкостей богословских вопросов». Мохаммед Абд-аль-Ваххаб и здесь пошел по пути упрощения, что способствовало пониманию этих непростых категорий обширными массами новообращенных адептов учения.

Проблема таклида в исламе довольно значительна. Его необходимость заключается в том, что для толкования понятий и тем более выведения законов и норм требуются глубокие знания в широком перечне богословских дисциплин. Поэтому обычному человеку крайне затруднительно обладать собственным су-

ждением по всему перечню вопросов. В этом случае он вправе опираться на мнение авторитета (ученого-«муджтахид»).

Проблема была решена введением института «таклид». Была изобретена формула: «фетва муджтахид для человека неграмотного в вопросах права, подобна Корану и Сунне для муджтахид». Известный богослов аш-Шатыби по этому поводу в трактате «Аль-Муафакат» пишет:

*«Фетва муджтахид для человека неграмотного в вопросах права подобна Корану и Сунне для муджтахид, причина этого в том, что и наличие, и отсутствие священного текста, для мукаллида одинаково, ведь он не сможет воспользоваться им. Более того, им запрещено делать иджтихад. В Коране по этому поводу сказано: **«спросите же людей напоминания, если вы сами не знаете»**. Как видите, знатоки шариата отличаются от простых мусульман, поэтому у них есть право устанавливать для них законы».*

С этим тезисом были согласны богословы Ибн ал-Кайим, ад-Дахляви, Гиззуддин, Ибн ал-Хумама и другие. Говоря иначе — обычному мусульманину, не посвятившему свою жизнь изучению священных текстов, запрещен самостоятельный иджтихад — исследование богословских вопросов. Тем самым закреплялся авторитет священнослужителей и богословов, их преимущественное право в толковании норм и правил шариата.

Именно поэтому мы воочию видим, что боевики в Сирии используют фетвы саудовских улемов, которые подводят теоретическую базу под практически любые преступления — в том числе и религиозные, которые творят боевики. У них есть формальное разрешение «знающих людей», вследствие чего они получают моральное и вполне юридическое (с точки зрения шариата) оправдание любым своим действиям. И это, стоит заметить, в ситуации, когда мусульмане-боевики ведут войну в исламской стране против мусульман-сирийцев. Мож-

но не сомневаться, что саудовские богословы обоснуют еще большие преступления исламистов, если они перенесут боевые действия в любую неисламскую страну. Например, Россию.

Ахмад ибн Ханбаль расходился с остальными богословскими школами по вопросу «*закрытия врат иджтихада*». Дело в том, что после возникновения ислама в течение приблизительно четырех столетий шло формирование его как религиозного учения. В ходе этого процесса сформировались богословские школы (*мазхабы*), между которыми были зафиксированы определенные разногласия. После окончания этого процесса в целях закрепления достигнутых результатов изучения «врата иджтихада закрылись», то есть, было позволено лишь уточнять определенные второстепенные вопросы, не подвергая сомнению достигнутых базовых принципов, на которых базировались возникшие мазхабы, и авторитет признанных богословов.

Ханбаль же утверждал, что необходимо и далее продолжать исследования по всем религиозно-правовым вопросам. В каком-то смысле, он выступал сторонником идеи «перманентной революции» в исламе. Логика Ханбаля в определенном смысле понятна — выступая приверженцем принципа недопустимости новшеств-бид'а, Ханбаль оставлял лазейку для адаптации своего учения и его приспособляемости к изменяющимся внешним условиям. Любопытно, что идеологи салафизма, а также основатели такой экстремистской организации, как «Хизб-ут-Тахрир» посвящали вопросу критики «закрытия врат иджтихада» довольно много времени — именно потому, что понимали внутреннюю противоречивость своих течений в вопросе адаптации.

Абд аль-Ваххаб принял указание Ханбаля в его практическом смысле. Одно из важнейших отличий ваххабизма — критика «*всеобщего таклида*». Что означало — можно руководствоваться толкованиями священных текстов любой богословской школы-мазхаба, если это толкование идёт в русле воззрений Уче-

ния аль-Ваххаба.

Тем самым Абд аль-Ваххаб заведомо ставил себя и своих последователей в преимущественное положение в любом богословском споре — если противник был ограничен рамками принципов своего мазхаба, последователь Учения мог аргументировать свои утверждения практически любой подходящей к конкретному случаю цитатой.

Ваххабизм, являясь учением в первую очередь для неграмотных бедуинов Аравии, по вопросу об изучении ислама и следованию за авторитетом формально поддерживал и приветствовал традиционные представления о иджихаде, однако будучи скорее практическим руководством к действию, предлагал все возникающие вопросы решать исключительно через повиновение духовным наставникам. Слепая вера в сказанное муллами — основа для железной дисциплины адептов Учения.

Мы видим сегодня на примерах Арабской весны, что такая позиция крайне характерна для боевиков, воюющих в Сирии. Боевики следуют самым нелепым или бесчеловечным фетвам духовных фундаменталистских проповедников, включая и призывы к убийствам, насилию над женщинами и детьми, разрушению памятников. Именно поэтому угрозы ведущих духовных лидеров радикального толка, таких как Юсеф Кардауи, являются весьма опасными — нерассуждающая и привыкшая к повиновению масса откликается на призывы, скажем, к джихаду с Россией, воспринимая их как абсолютный и не требующий обсуждения приказ.

«Бид'а»

Понятие «бид'а» (*новшество*) в исламе является исключительно важной категорией. Дело в том, что ислам, зародившись в довольно примитивном ара-

вийском обществе VII века, отражал ту конкретную историческую ситуацию, в которой оно существовало. Примитивизм классовых, общественных, экономических отношений не мог удовлетворить всех потребностей в нормах права, которые должны были регулировать жизнь гораздо более продвинутых во всех отношениях обществ покоренных арабскими завоевателями стран. Возникла острая необходимость в «расширении» ислама, которая была реализована в огромном количестве различных преданий о жизни и деятельности Пророка. Эти предания носят название хадисы, и на их основе были составлены кодексы поведения, этические принципы практически для всех случаев жизни. Эти кодексы в обобщённом виде и получили название Сунна.

Однако проблема заключалась в том, что различные общества в различных странах, принявших ислам, были развиты по-разному. Существовали и национальные, и территориальные особенности, различия в традициях. Огромное количество хадисов дало возможность приспособить их к конкретным историческим, территориальным, культурным особенностям разных стран. Однако это же и создало различие в толковании Сунны и хадисов, не вошедших в неё.

В течение почти четырёх веков в ведущих исламских богословских центрах Средневековья Мекке, Медине, Басре, Дамаске, Бейруте, Куфе, Куме, Каире велась работа по изучению и толкованию священных текстов. На основе этих работ сложились правовые богословские школы-мазхабы, часть из которых не дошла до нынешнего времени.

Фактически сложилась ситуация, при которой формально единоверцы, считающие священным одно и то же Писание, по-разному трактовали его в интересах различных групп и слоёв в зависимости от места и времени. Именно это обусловило мировой характер ислама, и это же стало источником глубоких внутренних противоречий между его различными течениями.

Тем не менее был создан механизм, согласно которому изменяющиеся условия жизни общества могли приводиться в соответствие с Учением. В этом механизме важнейшее значение приобретает понятие «бид'а» — новшество. Любое новшество, не соответствующее Сунне, является недопустимым. Однако бид'а может быть освящено с помощью двух механизмов — «иджма» — согласованного решения богословов — или «кияс» — аналогией.

Вопрос интерпретации Сунны через освящение бид'а и является наиболее значимым в плане расхождений между различными мазхабами (течениями, школами) ислама. Наиболее гибким в этом вопросе среди всех мазхабов является ханифизм, самым жёстким, практически полностью отказывающимся признавать бид'а — ханбализм. Мохаммед Абд-аль-Ваххаб довёл эту жёсткость практически до абсолюта. В рамках его учения были запрещены даже празднования дня рождения Пророка, так как эта церемония не предписана Аллахом и ко всему прочему, ведёт к обожествлению Пророка.

Стоит отметить, что христианство так же столкнулось с проблемой унификации священных текстов и создания на их базе стройной системы вероучения. Наличие большого числа Евангелий-свидетельств современников Иисуса, разночтения между ними, внутренние противоречия в самих свидетельствах вынудили христианство пойти по иному, чем ислам, пути. Из всех известных Евангелий лишь некоторые были признаны каноническими, кроме того, и они подверглись определённому редактированию. Всем остальным свидетельствам было отказано в праве на существование. Во многом это способствовало единой точке зрения на догмы религии, а разделение ее на две конкурирующие ветви — католицизм и православие — было обусловлено скорее политическими соображениями, чем религиозными.

Возвращаясь к учению аль-Ваххаба, можно сказать, что на него оказала огромное влияние личность самого богослова. Умный, разносторонне образо-

ванный, видевший жизнь Ближнего Востока в разных её проявлениях, и в то же время агрессивный, крайне упорный и радикальный в своих воззрениях и действиях Мохаммед Абд-аль-Ваххаб сумел не только возродить стагнирующий ханбализм, но и найти, увлечь и убедить тысячи своих сторонников как среди низших социальных слоёв, так и среди недждийской знати. Пожалуй, не будь у него этих качеств, учение могло бы остаться невостребованным.

Краткий экскурс в историю возникновения и развития учения Мохаммеда Абд аль-Ваххаба, безусловно, носит очень схематичный характер. В нём совершенно не затронут внешний фактор влияния великих держав (Англии, Соединенных Штатов, в какой-то мере Франции) на ваххабизм, как инструмент их колониальной политики. Задачей этого обзора было лишь выделение принципиальных отличительных черт этого учения.

Ваххабизм нельзя рассматривать как отдельное религиозное течение. Он является изложением и подтверждением догм одной из школ исламской теологии — ханбализма, и не внёс в её теоретическое наследие практически никаких значимых дополнений. Ваххабизм является исламистским течением почти в чистом виде, то есть, используя религиозную фундаментальную догматику, ставит перед собой сугубо политические цели. В каком-то смысле ваххабизм — это то, что сегодня называют «политическим исламом». Понятие очень политкорректное и при этом довольно неточное, так как ислам вообще трудно отделить от борьбы за власть, а значит, и политики.

Во-вторых, ваххабизм является скорее практикой, чем теорией, и поэтому является технологией достижения конкретной политической задачи — построение государства, гарантирующего защиту традиционных фундаментальных исламских ценностей и консервирующего традиционный уклад жизни. Эта технология обладает опытом достижения положительного результата в виде создания государства аль-Саудов, однако этот же опыт даёт возможным увидеть её

проблемные места, позволяет использовать их для защиты и успешного противодействия ей.

Раз есть технология, то совершенно неважно, кто именно воспользуется ею и для каких именно целей. В этом смысле заострять внимание на конкретных выгодополучателях применения этой технологии по сути, бессмысленно — любая страна, против которой она будет применяться, должна защищать себя от этой технологии, а не конкретных исполнителей. Поэтому для России, как страны, которая активно подвергается воздействию ваххабизма, важно вести борьбу не только с самими ваххабитами, а в первую очередь — с условиями, способствующими проникновению и укоренению на нашей территории этой предельно враждебной технологии нашего уничтожения.

Ваххабизм — крайне агрессивное политическое течение внутри ислама. Однако он ставит перед собой довольно ограниченные цели, за пределами которых не способен формулировать свои задачи. Это означает, что ликвидация условий, при которых это учение способно достичь своей цели, способна резко снизить опасность ваххабизма.

«Арабская весна» показала, что ваххабизм сам по себе способен лишь на деструктивные действия. Для решения конструктивных задач он должен выступить в связке с мощной секулярной силой — светской элитой, которая объективно заинтересована в своём приходе к власти, однако немедленно после этого смещает баланс в этой связке в свою пользу. Поэтому отсутствие такой секулярной силы делает ваххабизм беспомощным в плане конструктивных действий, превращая его в маргинальное течение без сколь-либо вменяемых перспектив.

Применительно к российской ситуации, можно подытожить этот вывод следующим утверждением — до тех пор, пока ваххабизм не станет инструментом политической элиты (региональной или федеральной ее части) для выпол-

нения своих задач, он неспособен ставить перед собой решительные цели и достигать их. Поэтому заигрывание с ваххабитами региональных властей в Поволжье, их призывы к «конструктивному диалогу» с радикалами выглядит крайне тревожным признаком смыкания ваххабизма как идеологии и властной элиты как секулярной составляющей этой деструктивной технологии демонтажа страны.

Этот вывод подтверждается складывающейся ситуацией в странах Арабской весны, в которых к власти пришли исламисты разной степени радикальных воззрений. Не имея поддержки в среде традиционалистской элиты, они очень быстро утрачивают контроль над событиями и ведут дело к контрреволюции, которой они вряд ли что способны противопоставить. Можно смело прогнозировать, что в Ливии, Египте, Тунисе пришедшие к власти исламистские силы в короткие сроки будут вынуждены сойти со сцены в силу своей неспособности ставить задачи за пределами цели прихода к власти. Альтернативой может стать блок с секулярной элитой либо контрэлитой, имеющей конструктивную программу построения и развития.

Пожалуй, единственным исключением из правила является исламистская Турция, в которой пришедшая к власти Партия справедливости и развития сумела обойтись без поддержки враждебной ей кемалистской элиты. Однако идейный кризис, в который попали турецкие исламисты, говорит лишь о том, что в Турции победа исламистов явно не выглядит окончательной.

История исламистских радикальных течений пока свидетельствует: без поддержки светской элиты они способны прийти к власти, но удержать её шансов у них практически нет. Наиболее очевидно это в современной Ливии, где секулярная власть ведёт борьбу с исламистами, постепенно переламявая ситуацию в свою пользу. Это не исключает ошибок секулярных властей, возможного тактического отступления или даже временного поражения, однако у ислами-

стов есть возможность удержать власть только при одном условии — их унии со светской элитой, причем на подчинённом положении, взяв на себя идеологические функции в рамках, установленных секулярной властью.

Не менее драматично развивается ситуация в Египте, где пришедшие к власти исламисты из движения братьев-мусульман, первоначально подпираемые жесткими радикалами-салафитами, оказались неспособными не только начать действия по выводу страны из тяжелейшего кризиса, но даже сформулировать сколь-либо цельную программу. Совершенно неудивительно, что светская по своему характеру египетская армия в итоге совершила военный переворот, выбросив «братьев-мусульман» из политического поля, оставив за ними лишь право договариваться — причем с максимально низких стартовых позиций.

Сирийская война еще более выпукло демонстрирует неспособность радикальных исламистских группировок к конструктивной деятельности. Даже на занятых и удерживаемых в течение более года территориях они не могут организовать нормальную жизнь для гражданского населения. У них нет программы действий после вероятной победы. Они готовы лишь воевать и видят смысл своего существования в бесконечном джихаде. Что будет за пределами этого джихада — их, в сущности, не беспокоит.

Ваххабиты, действующие на российской территории, пока не обладают достаточными ресурсами — ни людскими, ни финансовыми, ни материальными. Как и у своих коллег, у них также нет сколь-либо цельного видения своего будущего.

Таким образом, ваххабизм, как политическое течение, сумел продемонстрировать своё конструктивное начало лишь в Саудовской Аравии, где он создал взаимовыгодную унию со светской властью. Во всех остальных случаях ваххабизм выступает либо как откровенно маргинальная и деструктивная сила,

либо цинично используется внешними (применительно к ваххабизму) силами для решения своих конкретных задач.

Ваххабизм в России. Предыстория

*«Цивилизации ... становятся жертвами
самоубийств, а не убийств»*

А. Дж. Тойнби

Вынесенная в эпиграф к этой части книги цитата на взгляд автора вполне применима к ситуации, в которой оказалось мусульманское сообщество России. Враждебное агрессивное нашествие чуждых нам форм ислама можно объяснять происками противников, объективными и независящими от нас обстоятельствами. Можно – но это будет далеко не всей правдой. Наш самый страшный враг – это мы. Навредить нам больше, чем мы сами, не может никто. Поэтому внешние факторы и причины, по которым Россия оказалась на острие атаки радикальных исламистов, безусловно, должны быть предметом пристального изучения. Однако без нелицеприятного и жесткого анализа наших собственных ошибок, просчетов и фактов предательства картина будет не только неполной, но и заведомо искаженной.

Для того, чтобы понять причины, вызвавшие появление, укрепление позиций и агрессивное наступление ваххабизма в России, необходимо рассмотреть, пусть и достаточно ретроспективно, некоторые события новейшей истории нашей страны приблизительно с 80 годов прошлого века по сегодняшние дни. К сожалению, здесь нет возможности разворачивать полную картину происходящих событий в их динамике, однако для нас эти события важны в первую очередь в качестве иллюстрации для того тяжелейшего положения, в котором оказался российский ислам в годы после распада Советского Союза, названного «крупнейшей геополитической катастрофой 20 века».

Главной и определяющей причиной проникновения и усиления ваххабизма в нашей стране можно назвать глубокие и тяжелые расколы, поразившие

российскую умму в конце 80-начале 90 годов, не преодоленные до конца и сегодня.

Нельзя сказать, что расколы – это какое-то ужасное неведомое зло, которого нужно избегать всеми силами. Как говорил классик, чтобы объединиться, нужно разъединиться. Распад Советского Союза неизбежно должен был сопровождаться созданием новых конфигураций отношений как внутри новосозданных государств, так и между ними. Эти же процессы захватили и мусульманские сообщества бывшего СССР, и поэтому процесс размежевания носил вполне объективный характер.

Всё познаётся в сравнении, и если мы будем сравнивать процессы, произошедшие и продолжающие происходить в российской умме, придётся признать, что большинство из них не в её пользу. Среднеазиатские мусульманские сообщества сумели остановить свой распад на уровне новых независимых государств. Русская Православная церковь, потеряв часть своей канонической территории – в первую очередь, на Украине – сумела в довольно короткие сроки не только отстоять остальные, но и завершить тяжелейший исторический процесс объединения с Зарубежной русской православной церковью. Сумели преодолеть свои, пусть и меньшие по масштабу, процессы раскола верующие в Сербии, Болгарии, относительно спокойно прошли через непростой этап закавказские мусульмане.

Для России разрушительные процессы распада уммы длятся уже третье десятилетие, и пока нельзя сказать, что они завершились. Безусловно, можно указать на гораздо более пёстрый состав нашего мусульманского сообщества, его полицентричность, многонациональность. Тем не менее, столь затянувшийся кризис самым пагубным образом отражается не только на российской умме, но и на ситуации в стране. Разрушительные процессы распада государства и общества продолжаются, взаимно усиливают друг друга, возникают мало предска-

зыемые синергетические эффекты, когда суммарный ущерб от негативных процессов выше простой суммы каждого из них по отдельности.

Отстраненность государства от продолжающегося раскола в сообществе мусульман России чем дальше, тем выглядит более опасной. Успокаивающие заявления о мирном характере традиционного ислама и его исторической терпимости выглядят слишком дежурными и неискренними. Российский ислам серьезно видоизменился, тяжелая борьба как внутри себя, так и с внешними угрозами сделала его не очень мирным и не очень терпимым. Поэтому продолжение в некотором роде страусиной политики отстранения государства от проблем мусульманского сообщества может в конечном итоге привести к нежелательным и опасным последствиям.

Исламское возрождение, как и возрождение христианства, проходило на фоне развала исторической территории Советского Союза, краха государственной идеологии, внедрения привнесенных извне понятий, норм, этики. Фоном служил тяжелейший социально-экономический кризис, кровавые столкновения на окраинах, массовые переселения в места нетрадиционного проживания, архаизация общественных отношений, деградация культуры и образования. За 20 лет в процессе реформирования всех социальных, политических, общественных и экономических отношений на территории России были разрушены барьеры, препятствующие проникновению чуждых проектов. Страна представляла и во многом продолжает представлять из себя огромную открытую рану, в которую немедленно устремились всевозможные болезнетворные организмы.

Структурно православие оказалось более устойчивым к нашествию чужеродных воззрений и течений. Несмотря на то, что в начале 90 годов средства массовой информации переполнялись пропагандой сектанства, дремучих «целителей» и прочих адептов разных псевдорелигий, спекулирующих как на имени Иисуса, так и на всевозможных родноверских и языческих «корнях», право-

славию с трудом, но сумело устоять. Оно не только выстояло, но и в значительной степени сумело сместить на периферию разнообразные сектантские течения. Этому во многом способствовала иерархичность и структурность РПЦ, жесткие канонические правила, предписывающие почти военную дисциплину внутри касты священнослужителей.

Православие понесло тяжелые потери, которые сильнее всего ударили по Украине, однако можно сказать, что в складывающихся условиях Русская православная церковь сумела пройти этап возрождения без фатального фрагментирования своего канонического пространства, сумела выиграть борьбу с враждебными проектами, смогла остаться влиятельной силой, одной из немногих, реально работающих на укрепление единства страны. Продолжающиеся свирепые атаки на неё лучше всего свидетельствуют о значимости РПЦ в общественной и политической жизни страны.

В немалой степени борьба с сектанством осуществлялась при поддержке государства, сумевшего к концу первого десятилетия безбрежной свободы осознать необходимость существования хоть какой-то государственной идеологии, скрепляющей единство страны. Религия выступает весьма неважным ее заменителем, неся с собой разделение населения по конфессиям. Религия несет в себе скорее консервирующее начало, чем способствует развитию, однако даже такой эрзац гораздо лучше, чем ничего. Во всяком случае, религиозное возрождение, ориентированное на эндемичные религиозные воззрения, на данном этапе выглядит более внятной альтернативой распаду страны, чем враждебные иностранные проекты, напрочь выжигающие национальную идентичность, традиционную культуру и этические принципы.

С исламом все оказалось гораздо сложнее. Не просто сложнее, но и трагичнее.

Специфика ислама в том, что общественный авторитет религиозного деятеля значит всегда больше его формально занимаемой должности. Она, безусловно, играет роль, однако даже ушедший в отставку со своего административного поста исламский авторитет остается лидером, обладает весом, поддержкой и сторонниками. Если в православии существует жесткая дисциплинарная ответственность, есть действенные инструменты борьбы с раскольниками вплоть до отлучения от церкви, то для ислама (не только российского) это совершенно нехарактерно.

Еще одна специфика ислама, которая с успехом применяется в России для проникновения на её территорию так называемого «нетрадиционного ислама» - равенство всех исламских богословских школ-мазхабов. Единство ислама обеспечивается не единой точкой зрения по всем вопросам богословия, а многообразием мнений, уникальной способностью нахождения баланса между консервирующим началом и способностью к изменчивости и приспособляемости. Эта особенность ислама сделала его мировой религией, позволила ему распространиться на огромных просторах среди представителей самых разных культур.

Мазхабы невозможно поделить на некие ортодоксальные и схизматические богословские школы, и поэтому проповедник-ваххабит, толкуя Коран, не может быть обвинен в ереси только на том основании, что он трактует священную книгу неким «нетрадиционным» образом. Вообще, сами понятия «традиционный» и «нетрадиционный» ислам выбраны не совсем удачно, хотя интуитивно понятно, о чем идет

Гибкость ислама, его во многом уникальная способность к приспособляемости к местным особенностям, обычаям, традициям привела к тому, что помимо классических мазхабов параллельно существуют и специфические направления, которые выражены в существовании мусульманских братств – суфийских тарикатов. Нужно отметить, что понятие «братства» очень характерно для

исламской религии. Небезызвестные «братья-мусульмане», возникшие около сотни лет назад в Египте, поначалу были созданы как культурно-просветительское общество, боровшееся за сохранение идентичности «истинного» ислама перед лицом процессов разложения Османской империи. Аравийские ихваны времен создания всех трех версий королевства аль-Саудов – такой же пример еще одного «братства», поставившего своей целью объединения народов Аравии.

Наконец, есть мусульманские и околоисламские течения, которые вообще сложно отнести к той или иной богословской школе, они однозначно нетрадиционны для России, по большей части носят неагрессивный характер замкнутых сект. Это так называемые секты ахмадийя, Вера Бахаи, СУБД, неосуфии. Их не всегда можно отнести к исламским, не все из них склонны к экстремизму. Есть попытки создания искусственных конструкций типа евроислама, что выглядит скорее экзотикой, чем действительно перспективными модернизационными проектами.

Исторически сложилось так, что под «нетрадиционным» исламом в нашей стране понимают течения экстремистского толка. Это приверженцы и последователи салафизма, «Саф ислама» («чистого» ислама), ханбалиты, хабашиты, таблигисты, нурсисты, представители «исламских джамаатов», суннизма «внемазхабного толка», а также адепты партии «Хизб-ут-Тахрир» и ее многочисленных отражений и клонов. Парадоксально, но ваххабитами в России иногда называют и некоторых приверженцев воинствующего радикального шиизма, хотя, конечно, они к учению Абд аль-Ваххаба не имеют ни малейшего отношения.

Для цели, поставленной перед собой автором, богословские различия между всеми этими течениями не представляются существенными. Экстремизм и склонность к насильственному продвижению своей идеологии – вот, в сущности, объединяющая черта таких движений, течений и сект. Значительная часть

из них являются политическим исламом в чистом виде, то есть, использующими учение Пророка в качестве идеологического обоснования или даже прикрытия враждебной нашей стране деятельности. Готовность к агрессии, признание терроризма в качестве единственного инструмента для достижения своих целей – вот, в сущности, важнейший отличительный признак движения, которое в нашей стране принято называть «ваххабизмом».

Оговоримся сразу – несмотря на явную связь всех этих экстремистских течений с классическим аравийским ваххабизмом, это не тождественные понятия. Учение Мохаммеда Абд аль-Ваххаба не являлось богословским поиском истины. В своей содержательной части по мнению исламских богословов оно на 90-95% состояло из цитат богословов ханбалитской школы. Аравийский ваххабизм был прикладной идеологией создания государства на территории полуострова в конкретных исторических условиях под управлением совершенно конкретной династии аль-Саудов. Попытки распространить его за пределы Аравийского полуострова немедленно привели к тяжелому кризису молодого государства, и убедительно доказали его ограниченное применение. Ваххабизм был и остаётся исламистским течением, то есть, использует ислам в качестве обоснования своих конкретных политических целей и задач.

Аналогии всегда «хромают», однако нельзя не заметить определенное сходство между многими течениями радикального ислама и радикального марксизма, который принято называть «троцкизмом». Есть совпадения даже в символизме – «Черный Интернационал» Троцкого и черное знамя территории войны «Дар аль-Харб».

Нельзя не отметить, что монархии Персидского залива, заинтересованные в продвижении своего влияния, используют радикальные и экстремистские исламские течения, которые вдохновляются примером создания жесткого клерикального государства в Аравии и ставят своей целью повторение его опыта.

Поэтому понятие «ваххабизм», применяемое к этим течениям, вполне оправдано и несмотря на определённые оговорки, вполне допустимо для их обозначения.

Главным отличительным признаком «нетрадиционного» ислама в России является его конечная цель – создание исламского государства, в котором только ислам будет признан господствующей религией, причем под исламом понимается не вся совокупность его течений, а только и исключительно так называемый «чистый ислам» самого радикального фундаментального прочтения. «Традиционные» направления ислама России, напротив, готовы к относительно мирному сосуществованию как между собой, так с единым российским государством. Свои разногласия они с большей готовностью разрешают в богословских спорах, чем в боевых столкновениях. Более того – «традиционный ислам» вполне терпимо относится к светскому характеру государства, на территории которого он существует. Конечно, далеко не всегда деятельность «традиционных» исламских деятелей можно втиснуть в рамки мирного сосуществования, однако принципиальные различия между этими понятиями вполне очевидны.

Понимая всю условность определения «ваххабизм», в той части книги, которая относится к России, под этим термином будет пониматься вся совокупность экстремистских исламистских движений и организаций.

По самым разным оценкам, приверженцы ваххабизма в России на сегодня составляют от 2 до 7% всей российской уммы. Это очень значительное количество – от 300 тысяч до миллиона человек. Безусловно, не все из них готовы отдать жизнь и здоровье за свои идеалы — но нужно понимать, что столь стремительный рост адептов абсолютно чуждых России воззрений за последние 25 лет сам по себе является колоссальной угрозой ее целостности.

Учитывая экстремистскую направленность ваххабизма, столь огромное

количество новообращенных последователей и носителей агрессивной идеологии выглядит угрожающим. Даже для стабильной и обеспеченной страны с устойчивой политической и социальной системой такое количество идеологически мотивированных и заточенных на деструктивные действия людей опасно. Для России в определенных обстоятельствах это может стать катастрофой.

Несмотря на то, что не все сторонники этого течения немедленно готовы с оружием в руках отстаивать свои идеи, динамика роста их численности не может не вызывать очень серьезных опасений.

Полицейские репрессии против столь многочисленной группы малоэффективны и позволяют лишь сбивать наиболее агрессивные проявления непосредственных действий. Ликвидация угрозы ваххабизма в нашей стране – сложная системная задача. Она должна быть сформулирована в качестве одного из важнейших направлений политики государства и находиться под постоянным контролем структур, работающих над комплексными вопросами национальной безопасности

Советский период в истории ислама России

Советский Союз прошел довольно драматичный и сложный путь взаимоотношений власти и религии. Его условно можно разделить на три чётко различающихся между собой периода. Первый – богоборческий – был во многом неизбежным. Новая коммунистическая идеология должна утверждала своё господство на всей территории страны, и искоренение конкурирующих или враждебных идеологий стало принципиальной задачей новых советских властей. Нужно учесть, что и сама коммунистическая идеология создавалась что называется «на ходу», в ней самой существовали многочисленные течения и «уклоны», борьба с которыми велась еще более беспощадными методами

В этот период были допущены колоссальные просчеты, совершены грубые ошибки, значительная часть которых была поднята на щит и использована противниками СССР в его последние годы. Основной проблемой того периода стала иллюзия, что религиозный «опиум» будет искоренен и исчезнет вместе с уходящей в прошлое дореволюционной «лапотной Россией». Однако потребность в религии не исчезла, она лишь перешла в скрытое состояние.

В годы Второй мировой войны советское руководство осознало необходимость консолидации народа перед лицом смертельной угрозы, и отношения государства с религией практически рывком перешли на качественно иной уровень – за ней было признано право на существование и развитие при условии полной лояльности существующему режиму и господствующей идеологии. В послевоенное время отношения между государством и религиями постепенно были упорядочены, и все три крупнейшие религии СССР были встроены в систему общественных и государственных отношений.

Централизованная система управления государством неизбежно сказалась и на характере организации структуры взаимодействия между государством и

религиями. Не сразу и постепенно, но за годы Советской власти была создана вполне логичная и стройная система управления, во многом вобравшая в себя опыт царской России. Во главе этой системы стоял Совет по делам религий СССР. Все исламские общины страны были упорядочены по национально-географическому признаку и разделены на четыре независимых друг от друга муфтията.

Среднеазиатское духовное управление мусульман (САДУМ) рассматривалась в качестве головной исламской структуры страны. Это было связано как с наибольшим числом мусульманских общин под ее управлением, так и с тем, что на его территории находились единственные учебные заведения, в которых готовили священнослужителей. В Бухаре располагалась медресе «Мир-Араб», в Ташкенте – Исламский институт. САДУМ управляла влиятельная династия богословов Бабахановых, которые передавали власть от поколения к поколению. Территориально аппарат САДУМ располагался в Ташкенте. Основная масса верующих на территории управления являлась суннитами-ханафитами.

Вторым по значению было **Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗак)**. Оно фактически стало преемником созданных еще в царское время шиитского и суннитского духовных управлений. Управление включало в себя мусульманские общины Азербайджана, Грузии и Армении. Традиционно руководителем ДУМЗак был азербайджанский шиит-джафарит, имевший духовное звание шейх-уль-ислам, первым его заместителем всегда назначался суннит, имевший духовное звание муфтия. Аппарат ДУМЗак располагался в Баку.

Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) располагалось в Махачкале. Руководителем ДУМСК избирался, как правило, представитель одного из дагестанских народов, однако принцип ротации предусматривал периодическое назначение руководителя из числа других народов Северного Кавказа. В конце советского периода руководителем ДУМСК как раз и был

назначен балкарец Махмуд Геккиев. Религиозный состав общин, находящихся под управлением ДУМСК, включал в себя преимущественно ханафитов и шафиитов с небольшой долей шиитов-джафаритов. Специфика Северного Кавказа всегда заключалась в сильном влиянии в нем суфийских тарикатов кадирийя, накшбандийя и шазилийя, но в послевоенное советское время их присутствие на Северном Кавказе нельзя было назвать значительным. В частности, это можно объяснить принудительным выселением в 1944 году ряда кавказских народов в районы Средней Азии.

Духовное управление мусульман Европейской части и Сибири (ДУ-МЕС) руководило мусульманскими общинами на всей остальной территории СССР. Религиозный состав их в основном был представлен мусульманами-ханафитами. Аппарат ДУМЕС располагался в Уфе, однако руководителями управления всегда были татары, причём татары казанские.

Стоит отметить, что на территории СССР локально присутствовали исламские общины, принадлежащие к нетрадиционным для нашей территории мазхабам и течениям. Так, в Дагестане существовали небольшие группы эндемичных салафитов, которые в советский период рассматривались скорее как секты. Их неагрессивный характер и отношения, направленные внутрь общин, позволяли Советской власти относиться к ним вполне терпимо.

После окончания правления Н.С.Хрущёва системные гонения на мусульман были прекращены, сложившаяся система управления мусульманскими общинами сформировалась, и ислам наравне с православием стал активно вовлекаться в международные миротворческие программы СССР, демонстрирующие в частности, дружественные отношения между христианами и мусульманами СССР. Это заложило основы межрелигиозных отношений, существующих и по сей день.

Проникновение извне неэндемичных течений было практически исключено всей системой сложившихся отношений и управления. В этом смысле закрытость советского общества играла ему на руку, но это же обрушило его стабильность в момент, когда оно, привыкшее к стерильным условиям существования, внезапно оказалось один на один с враждебным и агрессивным внешним миром.

Не стоит, конечно, считать нарисованную картину благостной и мирной. Религия в СССР всегда рассматривалась как неизбежное зло, однако борьба с ним от варварских форм первых десятилетий существования Советской власти постепенно перешла к сотрудничеству, но при соблюдении религиями СССР полной лояльности целям и задачам Советского государства. Задачей коммунистической идеологии было создание человека нового типа, свободного от предрассудков и пережитков прошлого. Религия в полной мере относилась к ним, и поэтому окончательная цель коммунистической партии заключалась в отмирании всех религий без исключения.

Крах советской системы и распад исламской уммы

4 февраля 1989 года группа влиятельных богословов и улемов Таджикистана и Узбекистана в ультимативной форме потребовала смещения руководителя САДУМ Шамсуддина Бабаханова, который был обвинен в несовместимой с нормами ислама деятельности и продажности безбожной власти. «Восставшие» совершенно справедливо полагали, что их выступление станет началом долгой, сложной и во многом безнадежной борьбы, однако совершенно неожиданно в тот же день их представителей оперативно принял Первый секретарь республиканского ЦК И.К.Каримов, который выслушал их требования и согласился с ними. Руководителем САДУМ был назначен директор Высшего исламского института Мухаммад Содик Мухаммад Юсуф.

Опыт смещения руководителя такого уровня «снизу» был немедленно воспринят в других местах, и практически через месяц после ташкентских событий аналогичный кризис начался в Духовном управлении мусульман Северного Кавказа (ДУМСК). Ситуация в нём была дополнительно осложнена национальным и религиозным факторами. С момента образования ДУМСК в 1944 году его последовательно возглавили кумык и два аварца – то есть, представители Дагестана, в котором преобладал ислам шафиитского мазхаба. В 1978 году руководителем ДУМСК был назначен балкарец Махмуд Геккиев, являвшийся представителем ханафитского мазхаба. В обстановке стабильного развития такая ротация выглядела разумной с точки зрения поддержания баланса между представителями разных народов и исламских течений Северного Кавказа, однако в ситуации начавшегося развала именно это и послужило поводом для запуска кризиса.

В отличие от событий в Ташкенте смещение М.Геккиева не прошло гладко. Более того – даже после ухода с поста руководителя Управления несмотря на многомесячную борьбу его преемник так и не был избран. Созванный в октябре

1989 года экстренный съезд Совета алимов провалился в связи с возникшими тяжелыми разногласиями на национальной почве. По этому вопросу наметилось жесткое противостояние между дагестанскими духовными лидерами и представителями всех остальных народов Северного Кавказа. Последние уполномочили казья Карачаево-Черкесии изложить их общую точку зрения на происходящее, и тот заявил о намерении создать независимое от ДУМСК духовное управление.

Уже через месяц после съезда возник новый муфтият – ДУМ Кабардино-Балкарской республики. Попытавшись спасти от развала ДУМСК, духовное и региональное руководство Дагестана сумели лишь реорганизовать его в Духовное управление мусульман Дагестана, что окончательно зафиксировало развал системы управления и запустило процесс размежевания на Северном Кавказе.

Для Духовного управления мусульман Европейской части и Сибири (ДУМЕС) события в САДУМ и ДУМСК не представляли поначалу значимой угрозы. Позиции руководителя Управления Талгата Таджуддина выглядели вполне прочными, однако на территории, подведомственной ДУМЕС, события стали развиваться не по пути «верхушечных» переворотов, а носили более глубинный, а потому и более катастрофичный характер.

В феврале 1989 года Первый всетатарский съезд учредил «Народное движение в поддержку перестройки – Татарский общественный центр», бывший, по сути, первой этнорелигиозной партией СССР. ТОЦ стал матрицей для большинства радикальных националистических и сепаратистских организаций Татарстана. Вслед за ТОЦ создание этнорелигиозных партий и объединений в национальных автономиях России приняло обвальный характер.

Если в Башкирии, Татарстане, других национальных республиках в идео-

логии этих партий и движений преобладали националистические мотивы, то созданная в Астрахани Исламская партия возрождения (ИПВ) носила подчеркнуто клерикальный характер. Особого влияния она не имела, просуществовала сравнительно недолго - буквально до распада СССР. ИПВ сумела закрепиться на некоторое время лишь в Таджикистане, где сыграла исключительно негативную роль в развязывании гражданской войны. Тем не менее именно в ИПВ впервые появились в качестве политических деятелей многие из ныне действующих политиков исламского толка с радикальными воззрениями. В частности, идеологом партии был философ Гейдар Джемаль, требовавший создания общесоюзного исламского политического центра, ограждающего умму от демократических западнических тенденций.

Вместе с крахом советской коммунистической идеологии на территории СССР начался мощный подъём религиозного возрождения. Число мусульманских общин стало лавинообразно расти, существующие стремительно наполнялись людьми. Советская система, подчиняющая каждую общину непосредственно председателю ДУМЕС, захлебнулась в управленческом коллапсе, и 15 января 1991 года президиум ДУМЕС принял решение о создании территориальных органов управления – мухтасибатов. Были созданы 25 территориальных управлений, руководство которыми было передано наиболее заслуженным и образованным имам-хатыбам этих территорий. Они получили звание имам-мухтасиба вместе с чрезвычайно широкими полномочиями, фактически переводящими их в автономные центры принятия решений.

Очень высокую степень влияния и широкие полномочия получил бывший ответственный секретарь ДУМЕС, ставший мухтасибом Московского мухтасибата, Равиль Гайнутдинов (Гайнутдин). На него были возложены обязанности по внешнеполитической деятельности ДУМЕС. Он же стоял у истоков Исламского культурного центра, который стал сложным структурным образованием,

включавшим в себя черты общественной организации, духовного центра, политического объединения и коммерческой структуры. Довольно быстро ИКЦ стал структурой влияния Саудовской Аравии, а впоследствии и других аравийских монархий, которые через него запустили свои начальные программы финансирования духовного образования в России.

Образование стало ахиллесовой пятой исламского возрождения, так как быстро росшая численность возвращающихся к исламу последователей не была подкреплена адекватным ростом численности образованных священнослужителей, а имевшиеся учебные заведения попросту не могли обеспечить их выпуск. Открывающиеся религиозные учебные заведения не имели качественного преподавательского состава, учебных материалов. Число мечетей также не соответствовало возросшему количеству прихожан.

Весь этот спектр проблем не мог быть разрешен одномоментно, а в условиях нарастающего организационного хаоса, переходящего в коллапс, ни о каком качественном управлении процессами и решением проблем речи уже не шло. Начался период распада.

Сам процесс раскола исламской уммы и ее духовных лидеров носил очень изменчивый, динамичный и сложный характер. На его ход оказали влияние идущие в России процессы распада общественной и государственной ткани периода 90 годов прошлого века. Ислам стал разменной картой в руках политиков, пытающихся использовать его для достижения своих целей.

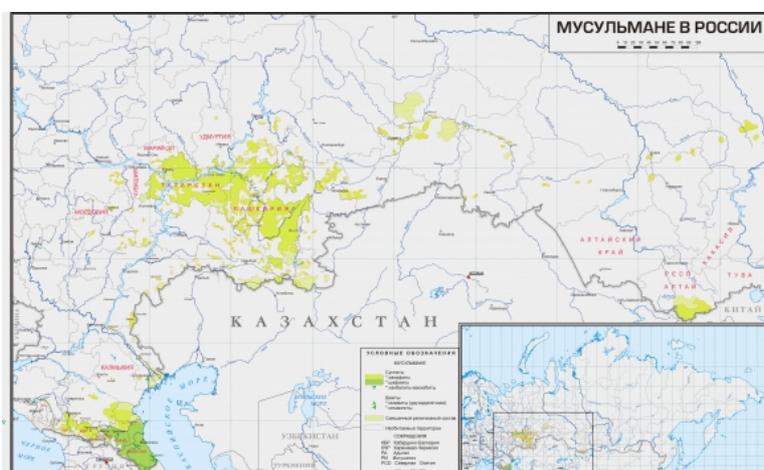
Особенно трагичные события происходили на Северном Кавказе, где впервые эндемичный (традиционный) ислам столкнулся с ваххабизмом в его крайних формах. Беспощадная борьба с ваххабизмом не осталась без последствий – окрепшие

суфийские тарикаты использовали в борьбе с ним вполне симметричные методы. Это привело к тому, что сегодня последователи погибшего Саида Чиркейского выглядят зачастую не слишком лучше ненавидимых ими ваххабитов. Подконтрольные им сетевые ресурсы ведут непримиримую борьбу как с экзогенными течениями ислама, так и с официальными духовными структурами современной России. Говорить на этом фоне о едином фронте борьбы с чуждыми и враждебными проектами на нашей территории пока не приходится.

Последствия раскола и его частичное преодоление

Сам по себе процесс раскола и относительного замедления разрушительных событий растянулся почти на полтора десятилетия. Будучи запущенным в 1989 году, этот процесс стал замедляться лишь в начале нулевых годов нового века. Тем не менее пока нет никаких признаков того, что дальнейшее развитие обстановки будет протекать конструктивно и предсказуемо.

Подводя предварительные итоги прошедших после развала СССР двух десятилетий, можно сказать следующее.

К нынешнему моменту сложилось своеобразная биполярная система тяготения внутри мусульманского сообщества. Один её центр находится в Поволжье, второй – на Северном Кавказе. Однако пока это именно центры тяготения –

не более того. Фрагментация исламского сообщества не только не преодолена, но и продолжается, хотя темпы её значительно замедлились.

Сегодня ситуация существенным образом осложняется наличием внешнего фактора – идущие с нарастанием миграционные процессы приносят на территорию России миллионы мигрантов, в основном из среднеазиатских республик бывшего Советского Союза. Их нельзя априори рассматривать в качестве носителей чуждых религиозных воззрений. Скорее наоборот – в отличие от России, государственная власть в республиках Средней Азии крайне жестко взяла под свой контроль большинство процессов, происходящих в исламском сообществе, и представители радикальных течений в этих республиках испытывают на

порядок большие трудности, чем их коллеги в России. Поэтому приезжающие в Россию мигранты «заражены» радикальными воззрениями не больше, а зачастую и меньше, чем мусульмане тех регионов России, куда прибывают мигранты.

Однако эта жесткость является причиной того, что Россия для носителей радикальных взглядов представляется вполне безопасным убежищем от преследования со стороны своих собственных властей. Российские же правозащитные организации немедленно берут под свою опеку радикалов, заявляя о преследовании их на родине за политические взгляды. В складывающихся обстоятельствах незначительное количество экстремистов, привечаемое на нашей территории, отождествляются со всей массой прибывающих мигрантов – и это до сих пор является серьёзной проблемой.

Стоит отметить, что сказанное касается не только представителей Центральной Азии и жителей республик бывшего СССР. Идущая война в Сирии высветила неприятную проблему – несмотря на явственную поддержку режима Асада, Россия допускает присутствие на своей территории и публичную деятельность людей, приветствующих и оправдывающих противников правительства Сирии и даже откровенных террористов. В качестве примера можно привести деятельность представителя радикальной сирийской оппозиции Махмуда Хамзы, невозбранно работающего в Москве. Здесь речь идет уже не просто о двойных стандартах, а об отсутствии четкой позиции по отношению к экстремизму и терроризму.

Ситуация в мусульманском сообществе мигрантов будет рассмотрена ниже, но можно сказать, что подавляющая его часть не является изначальной угрозой с точки зрения привнесения чуждых радикальных идей. Тем не менее невнятная и непоследовательная политика в области адаптации и тем более интеграции мигрантов, во многом сознательное разжигание ксенофобии, опуска-

ние мигрантов и жителей коренных национальностей в тяжелейшие социальные условия объективно создают вражду между ними и толкают мигрантов в объятия радикальных проповедников.

На сегодняшний момент на территории России действует около 60 автономных Духовных управлений, что является и уникальным явлением, и нонсенсом. Существующие органы управления не обладают значимым авторитетом и продолжают порочную практику вражды между собой. Продолжаются аппаратные битвы и внутри муфтиятов. Во многом эта вражда обусловлена чисто личностными, то есть, субъективными факторами, но они создают вполне объективно сложившуюся картину общей слабости по всем направлениям. Ни одно из существующих духовных управлений не контролирует значимую часть мусульманского сообщества, что дополнительно закрепляет его фрагментацию.

Государство не имеет сформулированной и четкой политики в отношении мусульманского сообщества. Более того – эта политика во многом двойственна, а значит, критикуема во всех своих проявлениях. В частности, это выражается в параллельном существовании двух моделей взаимодействия государственной власти с религией.

С одной стороны, региональные власти Северного Кавказа и частично Татарстана обладают возможностью вмешиваться и влиять на вопросы духовного управления. Зачастую это носит характер решения сугубо тактических целей и задач. С другой – политика всех остальных регионов и федеральных органов власти заключается в полном невмешательстве в происходящие процессы, а зачастую и в их игнорировании. В конечном итоге она сводится к требованию лояльности, по большей части выражаемой лишь в публичных заявлениях.

Все это говорит об отсутствии политики как таковой. Раз так – нет ответственных структур, осуществляющих повседневный контроль, анализ и прогно-

зирование обстановки. Это приводит к тому, что перманентные кризисы ставят власть каждый раз перед фактом своего возникновения без возможности реагировать на них упреждающе.

Ухудшающаяся социальная обстановка порождает сторонников радикальных идей, которые выпадают из сферы внимания как духовных лидеров, занятых бесконечной борьбой друг с другом, так и государства, сводящего свою роль к сугубо полицейскому реагированию на наиболее вопиющие проявления их деятельности.

Распад Советского Союза и центробежные процессы в России сопровождались распадом и развалом всей прежней системы управления разными областями государственного строительства и общественной жизни. Одна из наиболее чувствительных областей – идеология – оказалась не просто в кризисе, а прошла через период полного распада, который во многом так и не преодолен.

В сложившейся ситуации реархаизация сознания и востребованность религии стали объективными процессами, которые ко всему прочему практически выпали из зоны пристального внимания государства. Клерикальное руководство сосредоточилось на проблемах собственного выживания и в значительной степени свело свое участие в происходящих событиях к аппаратным войнам. Опять же – трудно обвинять его в утрате контроля над процессами, так как в складывающихся условиях тотальной деструкции планирование деятельности на продолжительный период попросту нереально.

Так или иначе, но ворота для проникновения враждебных проектов были распахнуты, и последствия не заставили себя долго ждать.

Подробно и во всех ракурсах процессы раскола исламской уммы России и его преодоления изложены в труде Р.А.Силантьева «Новейшая история ислам-

ского сообщества России», вышедшем в библиотеке приложения к журналу «Новая книга России» «Национальная безопасность» в 2006 году. Книга немедленно вызвала бурное обсуждение в исламском и православном сообществе. Во многом отзывы на нее носили негативный характер, однако аргументированной критики на изложенные в ней факты и выводы так и не последовало.

Учитывая, что более фундаментального исследования на данную тему в современной России попросту нет, автор рекомендует его для всех интересующихся подробностями произошедших в нашей стране процессов возрождения ислама – как с точки зрения негативных, так и позитивных последствий.

Механизм проникновения на территорию России экстремистских течений исламского толка

Раздробленность мусульманского сообщества и глубокие противоречия внутри него создают питательную среду для проникновения разнообразных инородных течений и идеологий. Относительно мирные из них сразу выдавливаются более агрессивными на периферию.

Динамичный рост численности мусульманского сообщества в конце 80 – начале 90 годов привел к тому, что неизбежно стало расти число мечетей и общин при них. Практически полное отсутствие системы подготовки кадров привело к тому, что имамами мечетей становились зачастую случайные люди, не имеющие соответствующего богословского образования. Проблема была решена массовой отправкой молодежи на обучение в зарубежные исламские учебные заведения. Большая часть из них была отправлена в те страны, которые выразили желание поддержать возрождение ислама на территории России – в первую очередь, аравийские монархии Залива.

Даже если не принимать во внимание интерес этих стран в распространении своего влияния на территории России, сам процесс обучения не давал возможности готовить квалифицированные кадры. Срок обучения в 4-5 лет был непозволительно коротким. Минимум 3 года необходимо для овладения арабским языком и его письменностью. Оставшиеся год-два не позволяли получить системного образования, а в реальности зачастую дело обстояло ещё хуже – новоявленные адепты учения в ускоренном порядке изучали арабский язык и письменность в бытовом разговорном объёме, и оставшееся время проводили в зубрежке и механическом запоминании текстов без особого вникания в их смысл. Говорить об осмысленном понимании сложных философских и этических норм, накопленных исламом в течение полутора тысяч лет, в таких условиях не приходится.

В итоге в Россию стали возвращаться догматики, обладающие определенной и ограниченной суммой знаний, но лишенные возможности их адаптировать и применять в российских условиях. Кроме того, большая часть образовательных учреждений, куда прибывали российские студенты, давала образование в области наиболее фундаментального толкования священных текстов. Такое образование шло вразрез с устойчивыми традициями, принятыми как на Северном Кавказе, так и в Поволжье. Не нужно забывать, что ханбализм отвечает условиям и реалиям наиболее архаично устроенного общества с преобладанием родо-племенных отношений. Даже условия Северного Кавказа, в котором эти отношения еще не прошли стадию своего разложения, были гораздо сложнее аравийских. Что уж говорить о урбанизированном Поволжье и Центральной России.

Объективно складывался конфликт между сутью излагаемых новоявленными имамами воззрений и реальной жизнью. Это стало предпосылкой для интереса ваххабитов в социальной деградации российского исламского общества. В этом ваххабиты оказались полностью солидарны с неолибералами-западниками, чей интерес также заключается в архаизации российского общества, его фрагментации и раздробления на непримиримые враждующие страты и общественные группы.

Положение могли бы исправить дополнительные богословские курсы, организованные непосредственно в России, которые проводили бы дообучение и адаптацию молодых выпускников иностранных исламских вузов. К сожалению, к моменту возвращения первых обученных имамов-неофитов разрушительные процессы в системе управления исламским сообществом набрали максимальный размах. Муфтияты делили общины, территории, деньги, благосклонность чиновников и иностранных спонсоров. Создающиеся на территории России учебные заведения отдавались на откуп приезжим арабам, которые и финанси-

ровали эти программы и мероприятия. Именно так и вышло в медресе «Йолдыз» в Набережных Челнах, из которой вышел известный по взрывам в Москве террорист Денис Сайтаков.

Руководство медресе «Йолдыз» еще в сентябре 1993 года заключило договор о сотрудничестве с саудовской благотворительной организацией «Тайба» и фактически передало ей весь образовательный и воспитательный процесс. «Тайба» же была обычной вербовочной структурой, немедленно приступившей к своей основной деятельности – вербовке и мотивированию будущих террористов.

Такою же деятельностью разворачивали на территории России благотворительные арабские фонды «Аль-Харамейн», «Аль-Игаса», «Ибрагим аль Ибрагим» и другие. Эти же структуры были замечены в финансировании боевых отрядов чеченских террористов. Только в 2000 году после разгрома банд Хаттаба и Басаева в Дагестане и Чечне российская ФСБ, наконец, обратила внимание на деятельность этих и им подобных организаций. Можно только представить, какое количество мусульман было обращено с помощью всех этих структур в ваххабитов.

Выпускники челнинской «Йолдыз», бугурусланской «Аль-Фуркан», других медресе и школ вместо усердного изучения богословия прямым ходом шли в Чечню, где в это же время радикальные исламисты начали окончательное искоренение традиционных исламских общин, суфийских тарикатов и их лидеров.

Особый упор в деятельности ваххабитских миссионеров был сделан на прозелитизм среди этнических христиан, которые должны были стать основой

начавших свое формирование ячеек-«джамаатов». При этом чисто статистически большая часть новообращенных славян становились приверженцами именно радикальных исламистских идей, что вообще свойственно неофитам. Пропандистская и миссионерская деятельность подкреплялась массовыми многомиллионными изданиями книг и переводов, трактующих ислам с салафитской точки зрения.

Тяжелая социальная обстановка и утрата идеологического целеполагания в значительной степени облегчали работу вербовщиков – как внутри этнических мусульман, так и в этнической христианской среде. Государственные органы власти и управления не только не обращали внимание на эти явления, но и относились к ним вполне лояльно, рассчитывая использовать связи с ваххабитскими структурами в качестве поддержки своих отношений с богатыми аравийскими спонсорами и инвесторами.

Стоит отметить, что процессы, происходящие на Северном Кавказе и в Поволжье, существенно различались между собой, и именно этим можно объяснить принципиально разную ситуацию сегодня в этих двух крупнейших центрах распространения ислама в России. На взгляд автора, ситуация в Поволжском регионе выглядит сегодня гораздо более угрожающей, несмотря на то, что именно Северный Кавказ является основным поставщиком новостей о столкновениях с террористами и экстремистами. Чтобы понять, в чём заключаются эта особенность, нужно кратко рассмотреть ситуацию в этих двух центрах.

Северный Кавказ

Еще в 1990 году были отмечены первые столкновения между эндемичными дагестанскими салафитами и приверженцами суфизма. Раскол ДУМСК, а затем и ДУМ Дагестана резко ослабил мусульманское сообщество и дал свободу действий салафитам – как имеющим местное происхождение, так и пришлых. Агрессивные методы работы адептов салафизма очень быстро вызвали отпор и даже вооруженные столкновения с традиционалистами, которые произошли в течение 1991-1995 годов в Кизилюртовском, Казбековском районах республики и в Махачкале.

Экспансия салафитов в Дагестане была приторможена возрождением суфийских братств, которые традиционно были представлены на Северном Кавказе тарикатами нашкбандийя, кадирийя и шазилийя. Зоной беспощадной борьбы между тарикатистами и салафитами стала так называемая Кадарская зона в Буйнакском районе Дагестана, в которую входили села Карамахи, Чабанмахи и Кадар. С 1997 по 1998 год в этой зоне шли ожесточённые столкновения, в ходе которых в конечном итоге салафиты одержали победу. Активную помощь им оказали полевые командиры-ваххабиты из Чечни.

В июле 1998 года в селе Карамахи прошел съезд «Конгресса народов Чечни и Дагестана», фактически оформивший создание объединенной ваххабитской общины этих республик. Было установлено шариатское правление в Кадарской зоне, которое было провозглашено 16 августа 1998 года. Буквально через неделю в Махачкале в результате теракта был убит председатель ДУМ Дагестана М.Абубакаров, что поставило республику на грань гражданской войны.

3 сентября в республику прибыл и.о. министра внутренних дел РФ С.В.Степашин, посетивший село Карамахи. Неожиданно для всех он вполне положительно отозвался о деятельности ваххабитских джамаатов. Это вызвало полное смятение среди традиционалистов, которые оценили визит Степашина как неприкрытое предательство их федеральной властью. Произошедшее показало традиционалистам, что они не могут рассчитывать на поддержку федеральных властей, и готовящаяся попытка отбить Кадарскую зону было отложена. Через год это привело к тому, что напавшие на Дагестан боевики Хаттаба и Басаева изначально имели на территории республики хорошо укрепленный дружественный им плацдарм.

Противостояние ваххабитов и традиционалистов достигло апогея в августе 1999 года, когда банды Басаева и Хаттаба вторглись на территорию Дагестана. Разгром этих банд вначале в Дагестане, а затем и на территории Чечни позволил традиционалистам развернуть наступление на ваххабитов и в значительной степени выдавить это течение в маргинальное подполье.

Итогом борьбы между последователями традиционных течений и ваххабитами на Северном Кавказе стала выработка политики на уровне региональных органов власти по контролю над религиозной деятельностью. 16 сентября 1999 года был принят закон о запрете ваххабитской деятельности на территории Республики Дагестан. Власти сделали ставку на влиятельных шейхов суфийских тарикатов, предоставив им свободу рук в отношении салафитов. Можно сказать, что это решение также не отличается глубиной проработки, так как усилившиеся суфии повели беспощадную борьбу не только с ваххабитами, но и стали проводить не всегда дружественную политику (по крайней мере в информационном поле) по отношению к традиционалистским структурам управления центральной России. Периодическая полемика, возникающая между ними, не всегда выглядит оправданной в свете существования гораздо более серьезного противника.

Так или иначе, но ваххабизм на территории Северного Кавказа удалось во многом маргинализовать и загнать в подполье. Вряд ли его удастся искоренить в ближайшее время, тем не менее главная цель, которую преследуют в своей политической деятельности ваххабиты – создание государства «чистого ислама» на территории Северного Кавказа, скорее всего, уже недостижима. Оговоримся – речь идет о той ситуации, в которой сохранятся существующие тенденции. События Арабской весны развиваются крайне непредсказуемым образом, и в случае, если ее результатом станет полная дезинтеграция всего региона Ближнего Востока, радикальный ислам, скорее всего, получит новый импульс в своем развитии и распространении. В этом случае Северный Кавказ вновь станет передовой линией фронта столкновений традиционного ислама и ваххабизма.

Поволжье

Распространение ислама в Поволжье во многом связано с распространением татарского и башкирского этносов, как носителя культурной и религиозной исламской традиции.

Ситуация в Поволжье существенным образом отличается от ситуации на Северном Кавказе. Главное отличие – в отстранённой и во многом попустительской политике государства как на уровне регионов, так и на федеральном уровне по отношению к угрозе распространения ваххабизма. Главный принцип, которым руководствуются власти – внешняя лояльность мусульманского сообщества, внутренние же процессы, происходящие в нем, государство считает сугубо внутримусульманским делом, в которое незачем вникать и вмешиваться. Говоря иначе – отсутствие какой бы то ни было политики выдается за политику мудрую и вдумчивую. Нужда выдаётся за добродетель – знакомая ситуация. Принцип «не навреди» хорош в относительно стабильной обстановке, однако в складывающихся условиях он более напоминает поведение страуса.

Разрешение кризиса на Кавказе вооруженным путем, по сути, вскрыло гнойник и позволило его в значительной мере очистить. В Поволжье отсутствие политики государственного контроля над религиозной экстремистской деятельностью неизбежно приведет к образованию нового очага напряженности и необходимости купирования его не менее жесткими методами, чем на Кавказе.

Второй отличительной особенностью Поволжья является неспособность ваххабитов создать массовую прослойку своих сторонников. Оговоримся сразу – эта неспособность временная, и не стоит считать, что она не будет преодолена. Главным препятствием сегодня для массовой вербовки своих сторонников является традиционный национализм местных мусульманских народов. Они с большей охотой используют исламский фактор для своей автономизации или

сепаратизма, чем позволят пришельцам извне отформатировать их ментальность в космополитичном формате радикального ислама.

Поэтому основная ставка ваххабитов в Поволжье делается на молодежь «эпохи ЕГЭ». Догматичное образование, сведенное к запоминанию полубесмысленного набора бессистемных фактов, оглупление молодежи, низкий уровень культуры и очень низкая критическая планка предоставляют радикалам прекрасное поле для внедрения в девственно чистое сознание молодежи своих вполне доступных и столь же догматичных идей. Пока доля такой молодежи невелика, однако продолжение катастрофической политики в области образования и культуры предоставляет ваххабитам прекрасный шанс на расширение своей деятельности в этой среде.

Еще одной проблемой ваххабитов в Поволжье является отсутствие среди региональных лидеров человека, хотя бы отдаленно напоминающего Джохара Дудаева, который будучи фантастически невежественным в богословии, да и вообще в вопросах веры человеком, использовал ваххабизм в качестве тарана для решения вопросов укрепления личной власти. Однако, как это всегда бывает, ваххабиты в конечном итоге использовали самого Дудаева и сумели в короткие сроки создать свое протогосударство, с помощью которого и обеспечили массовый приток в свои ряды новообращенных адептов.

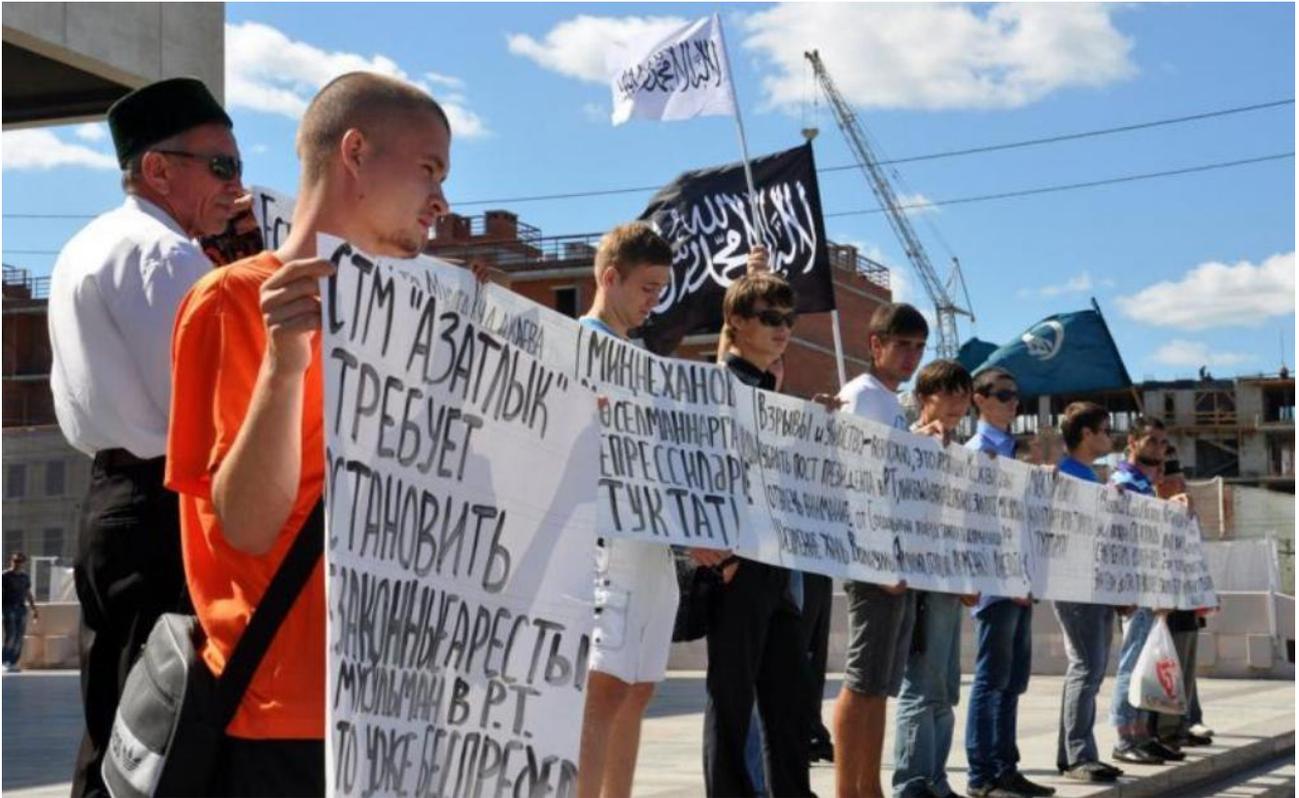
Тем не менее, вполне можно представить себе ситуацию, при которой появление таких лидеров станет реальностью. Слабость федеральной власти, кризис в среде российской элиты немедленно приведут к росту сепаратизма и объективной потребности региональных элит возглавить этот процесс. Ваххабиты могут стать заманчивым инструментом для достижения своих целей – а уж как именно сложатся отношения между ними и региональными элитами, предсказать не трудно. Ваххабиты никогда не придерживаются никаких договоров. В случае захвата власти они немедленно избавляются или расправляются

со своими попутчиками.

Судьба президента Ичкерии А.Масхадова – вполне показательный пример. Полевые командиры-ваххабиты Хаттаб, Басаев, Бараев, Радиев к концу существования Ичкерии практически добились как чеченских традиционалистов, так и протогосударственные масхадовские структуры. Только неудачный поход на Дагестан и поражение во второй чеченской войне не позволили им зачистить окончательно политическое и религиозное поле республики. Правда, самому Масхадову их поражение уже не помогло.

Отдавая себе отчет в этом, ваххабиты используют в Поволжье иную тактику, более приспособленную к существующим ограничениям. Она сводится к работе в двух направлениях – вербовке лидеров духовенства и государственных служащих, а также в создании небольших хорошо законспирированных групп боевиков-профессионалов, имеющих боевой опыт и подготовку, способных стать кристаллизующим ядром будущих террористических группировок.

Первое направление деятельности, судя по публикациям прессы и отчетам Российского института стратегических исследований (РИСИ), который чуть ли не единственный системно занимается этой проблемой, ведется вполне успешно. В 2012 году ваххабитам удалось убить одного из наиболее непримиримых своих противников и одновременно крайне влиятельного духовного лидера Татарстана Валиуллу Якупова, а также тяжело ранить муфтия Татарстана Ильдуса Файзова. Немного погодя это стало формальной причиной его ухода в отставку с поста руководителя ДУМ Татарстана. На смену им пришли люди, более лояльно относящиеся к идее внутриисламского диалога, а по сути – соглашательства с экстремистами. Вполне возможно, что мы увидим возвращение на свои места одиозных лидеров ваххабизма, которые были выдвинуты из республики чрезвычайными усилиями как раз Якупова и Файзова.

Второе направление деятельности реализуется прямо сейчас в ходе сирийской войны. В качестве примера можно привести ваххабитского вербовщика Айрата Вахитова, известного под именем Салман Булгарский. Он открыто и весьма активно ведет вербовочную работу через русскоязычные социальные сети, рисуя героические картины «священной борьбы» с неверными и отступниками, адресуя свои не слишком правдоподобные истории малообразованной аудитории. Набранные таким способом добровольцы едут на джихад в Сирию, а выжившие и должны составить боевой костяк поволжских джамаатов. Трудно сказать, насколько и как ведется работа российских спецслужб по отслеживанию деятельности и возвращения на родину этих людей. Скорее всего – никак, хотя как обычно, хочется верить в доблесть и прозорливость наших органов. Во всяком случае, деятельность Салмана Булгарского не встречает ни малейшего противодействия, хотя его биография, в которой есть период отсидки в американской тюрьме в Гуантанамо и более чем вероятное сотрудничество с ЦРУ США, должна была привлечь особое внимание к его персоне.

Сообщения о татарских наёмниках в Сирии не могут не настораживать.

Специфика Сирии заключается в том, что сирийцы называют чеченцами практически всех боевиков-выходцев с Северного Кавказа, и татарами – практически всех выходцев с Поволжья, поэтому однозначно определять национальность и происхождение русскоязычных боевиков, воюющих в Сирии, затруднительно. Тем не менее, вполне очевидно, что русскоязычные наёмники становятся вполне ощутимой проблемой не только для сирийцев. Главная опасность заключается в том, что при полном отсутствии контроля за их перемещениями сложно оценить истинное количество и момент, когда они начнут массово возвращаться в Россию. Названная руководителем ФСБ цифра в 200 российских граждан, воюющих в Сирии, выглядит не очень правдоподобной. На видеоотчетах террористов, в которых они повествуют о своём боевом пути на разных территориях Сирии, русская речь и крупные отряды русскоязычных боевиков к середине 2013 года стали практически обыденным явлением.

Всё сказанное говорит о том, что ухудшение ситуации в Поволжье в отличие от Северного Кавказа развивается латентно и главное – без должного контроля со стороны государства. На сегодня её исследование сведено к сугубо полицейским сводкам и точечной работе отдельных научных структур. В подобных условиях говорить о качественном анализе и прогнозировании ситуации попросту не приходится. Неизбежным следствием попустительской политики государства станет внезапный прорыв накапливающихся негативных процессов.

Именно поэтому неприглядность ситуации и представляется автору крайне опасной. Поволжье, Уральский регион и северные нефтегазовые регионы страны подспудно накапливают свой разрушительный потенциал, но никаких системных решений по предотвращению угрозы не принимается. Собственно, без должного изучения проблемы, возможно, что бездействие властей выглядит и наиболее рациональной тактикой - бессистемные решения могут нанести ещё больший вред. Однако является ли такая политика разумной – вопрос

явно риторический.

Стоит отметить, что если события на Северном Кавказе происходили на периферии страны, то Поволжье, Урал и Север – это центр России, в котором сосредоточен значительный промышленный и экономический потенциал. Удар, который нанесут (а его обязательно нанесут) ваххабиты в этом месте, может оказаться фатальным для дальнейшего существования нашей страны. Уже поэтому совершенно необъяснима с любой рациональной точки зрения столь странная политика государства, заставляющая за неимением лучшего, прибегать к конспирологическим теориям и задаваться вопросом о прямом предательстве части российской управляющей элиты.

Внешние факторы распространения ваххабизма

Внешние факторы угрозы распространения радикальных идей можно свести к двум группам – системной деятельности иностранных структур и агентов по распространению своего влияния на территории России, а также угрозам, исходящим от бесконтрольных миграционных процессов.

В первые годы «молодой демократической России» первый из указанных факторов являлся практически единственным. Как на территории России, так и в мусульманских республиках бывшего СССР в массовом порядке открывались представительства и филиалы разнообразных исламских фондов, центров и благотворительных организаций. Собственно, и их западные коллеги не отставали, внедряя свои структуры и конкурируя за влияние на просторах бывшего Советского Союза.

Республики Средней Азии, столкнувшись практически сразу после распада СССР с массированными атаками радикальных исламистов, очень быстро сумели взять ситуацию под относительно действенный контроль. В связи с информационной закрытостью этих стран далеко не все детали становятся известными, однако вполне очевидно, что власти среднеазиатских республик сумели реально оценить угрозы и жестко оградить себя от радикальных зарубежных эмиссаров – как в легальном поле, так и подпольно действующих. Пожалуй, только в Таджикистане из-за вспыхнувшей гражданской войны на этом пути возникли серьезные сложности, но и они в целом были преодолены.

В России в связи с развалом системы управления мусульманским сообществом на её месте возникли новые структуры, финансовые ресурсы которых не позволяли вести конструктивную деятельность. В этих условиях заманчивые предложения со стороны зарубежных спонсоров выглядели вполне допустимым компромиссом с совестью и долгом. Распространенная практика получения по-

мощи неподотчетными суммами в наличных с одной стороны попросту развращала, с другой – делала принимающих такую помощь уязвимыми для возможного давления.

Без существования государственного контроля за финансовыми потоками структур управления мусульманским сообществом они были объективно заинтересованы в продолжении вполне порочной практики подобного «сотрудничества». Слишком принципиальные муфтии ставились в заведомо невыгодное положение перед менее щепетильными коллегами. При этом нужно учесть, что возрождение ислама действительно требовало мобилизации ресурсов. Строительство мечетей, создание системы духовного образования, издательские программы, содержание разбухающих аппаратов требовали вполне серьёзных вливаний, и опора на традиционные источники финансирования не могла покрывать всех возникающих потребностей.

Понятно, что столь питательная среда и заинтересованность духовных лидеров в поиске новых источников пополнения бюджета структур управления сообществом не могли не привести к тому, что страна была наводнена структурами, которые не слишком скрывали своих истинных целей. Кроме того, эти же структуры активно работали и с региональными органами управления, вполне искусно педалируя близкие им темы национального самоопределения. В условиях вялотекущего распада страны борьба с зарубежными враждебными структурами была практически бесполезной. Региональные лидеры – как светские, так и духовные – были обязаны просчитывать варианты своих действий в ситуации краха российской государственности. Возникла устойчивая самоподдерживающаяся система, конечным итогом функционирования которой должен был стать распад страны.

В этих условиях единственным стабилизирующим фактором стала вторая чеченская война и ликвидация одного из враждебных проектов развала России.

После уничтожения ваххабитского анклава на Юге страны федеральные власти предприняли активные действия по закрытию других проектов. Во многом лишь благодаря этому исламское сообщество смогло в какой-то степени остановить свой распад и зафиксировать сложившееся положение.

К сожалению, новые федеральные власти, сделав ставку на отечественную бюрократию в борьбе с иностранными проектами, не сумели найти или создать сдерживающую её силу, что в довольно короткие сроки вначале затормозило возрождение страны, а затем привело к ее стагнации. Сложившийся баланс между олигархией, ориентирующейся на отечественный промышленный комплекс, и олигархией, ориентированной на международную финансовую бюрократию, стал причиной краха политики возрождения, что немедленно привело к застойным явлениям во всех областях жизни страны, в том числе и в процессах, происходящих в мусульманском сообществе. К 2005-2006 году конструктивные процессы были прекращены, и вновь появились вполне угрожающие тенденции размежевания и борьбы внутри мусульманского сообщества и его структур управления.

Сказанное позволяет сделать вывод – общая ситуация в России прямым образом влияет на объединительные процессы внутри российской уммы. Ухудшение или стагнация положения в стране немедленно самым пагубным образом отражается на тяжелом и долгом пути собирания российских мусульман в единую общность.

Краткие выводы

Любая сложноорганизованная система всегда обладает разнообразными механизмами, позволяющими поддерживать её целостность и функционирование даже в неблагоприятных условиях. Социальная система – не исключение. Каждое общество обладает своими уникальными возможностями противодействия чужеродному влиянию, которое пытается изменить его внутреннюю сущность. Однако в периоды кризисов целостность таких механизмов может нарушаться, и чем серьезнее кризис, тем тяжелее последствия, связанные с утратой способов противодействия разрушительным процессам – как внешним, так и внутренним.

Российский ислам и мусульманское сообщество России с момента краха советской системы попали в тяжелейшие условия, как и вся страна. Однако именно исламское сообщество прошло этот этап своего существования наиболее тяжело и понесло совершенно несоразмерные потери. Даже по истечении 20 лет кризис мусульманского сообщества России не преодолен. Раскол уммы налицо – как среди лидеров, так и среди последователей учения Пророка.

На взгляд автора, именно неспособность российского мусульманского сообщества сплотиться и преодолеть множественные разногласия во имя единства в вере стала главной причиной тяжелейшего кризиса. Причины, способствующие такому положению вещей, многообразны, и носят как объективный, так и субъективный характер. Наиболее полно эти причины в российской литературе были разобраны в уже упоминавшейся выше книге Р.Силантьева «Новейшая история исламского сообщества России», поэтому автор отсылает читателя к этому труду, который нелицеприятно, но тщательно и добросовестно исследовал столь непростое явление в нашей новейшей истории. Без преодоления раскола исламское сообщество России не сможет системно противостоять агрессивному нашествию чуждой идеологии под вывеской ислама.

Вторая причина сложившегося положения – отстраненность государства от вопросов веры. Это оправдывается якобы светским характером государства, политикой невмешательства государства во внутренние дела уммы, однако такая позиция не может вызывать ни малейшего понимания.

Государство не вправе отстраняться от проблем значительной части членов общества, тем более, что эти проблемы угрожают целостности и благополучию государства. Известная истина про то, что народ, не желающий кормить свою армию, будет кормить чужую, в полной мере относится и к вопросам веры. Автор, будучи агностиком, без восторга относится к клерикализации российского общества. Для многонациональной и многоконфессиональной страны отсутствие единой светской идеологии является угрозой её целостности, а возрождение религий однозначно ведет пусть и к некритическому, но размежеванию единого народа. Однако в сложившихся обстоятельствах, когда страна «просела» в своем развитии, реархаизировалась и деградировала, возврат к истокам веры является объективным процессом.

Отказ государства от управления этим процессом губителен, какими бы рациональными аргументами он не оправдывается. Мы видим, что собственных внутренних сил у мусульманского сообщества России недостаточно. Оно слабо, разобщено, не обладает развитыми и действенными механизмами самозащиты от чужеродного и враждебного влияния извне. Нет сомнений, что российские мусульмане способны самостоятельно справиться с затянувшимся кризисом, но на первый план выходит вопрос цены, которую они и российское государство и общество заплатят за столь продолжительное решение этих проблем.

Во всех странах, где религия является важной частью общества, государство так или иначе, но создает структуры управления, которые защищают «свою» религию от внешних враждебных проектов, оказывают ей поддержку.

Опыт Европы, где государства, напротив, подчеркнуто дистанцируются от решения таких вопросов и декларируют равный подход к любым религиозным воззрениям, говорит о том, что подобный путь ведет если не к катастрофе, то к системному кризису. Отказ от защиты своей идентичности – в чём бы она не проявлялась на данном этапе развития – всегда ведет к её размыванию и проникновению чуждых этических норм.

Любой организм рано или поздно сдаётся под натиском болезнетворных проявлений. Поэтому европейская модель отношений между государством и религией для России неприемлема – находясь на стыке сразу нескольких цивилизаций, наша страна особенно уязвима перед чужеродным влиянием.

Тем более опасно, если мы находимся под атакой сразу нескольких агрессивных внешних проектов. Внедрение западной потребительской модели и алчности, как источника развития общества, уже подорвало устойчивость нашего цивилизационного устройства. Параллельно с этим мусульманское сообщество подвергается агрессивной атаке архаичных форм ислама, который отвечает потребностям обществ, находящихся на самых низших уровнях своего развития. Ислама в той его версии, которая взывает к самым примитивным, почти инстинктивным формам существования.

Оба враждебных проекта – неолиберальный и ваххабитский – направлены на опускание нашей страны, общества, государства, экономики, социальной и культурной областей на уровень, соответствующий тому уровню, на котором наша страна находилась многие сотни лет назад. В условиях стремительного развития остального мира это будет означать окончательное исключение России из числа стран и цивилизаций, имеющих свой собственный проект развития.

Для того, чтобы обозначить, что именно понимается под цивилизационной идентичностью России, нужно привести исчерпывающий перечень ее при-

знаков. Это: русский язык, единая история всех народов, населяющих нашу страну во все периоды ее существования, единая территория, традиционные (эндемичные) религии, общая культура народов, населяющих Россию, ментальность, традиции, уклады и устои, поведенческие, этические и ценностные нормы и стереотипы. Только их сумма во всем своём многообразии позволяет формулировать собственный проект развития, опирающийся на все без исключения перечисленные признаки.

Переходя к конкретике, на взгляд автора необходимо создание государственного органа, задачей которого будет реализация политики России в области религиозных отношений. Формулирование этой политики – задача главы государства. Он больше не вправе игнорировать существующую тяжелую проблему, продолжая рассчитывать на процессы самоорганизации. Нет никаких «невидимых рук», которые волшебным образом что-то там отрегулируют и сделают нам красиво.

Необходимо создание координирующих общественных органов, создающих баланс в межрелигиозных, внутриконфессиональных отношениях, интересах государства и общества. Решительно необходимо сформулировать основные подходы ко всем чуждым (или как принято называть «нетрадиционным») религиозным течениям и формам. Бездумный тотальный запрет их недопустим, однако создание жестких и однозначных правил, по которым они могут действовать на нашей канонической территории, не вызывает ни малейших сомнений.

Но что самое главное – нужно всегда помнить о светском характере нашего государства. Параллельно с защитой «своих» религий нужно ставить задачу формирования единой светской идеологии, которая должна постепенно заменить религиозные воззрения, а если точнее – создать симбиоз между разными объединительными идеологиями, работающими на единство государство и народа.

Ваххабизм в России. Внутренний фактор. Миграция

Угрозы, связанные с процессами миграции в России, выглядят действительно заслуживающими внимания. Но главное, чего они действительно требуют – это изучения. Люди и структуры, делающие себе имя на теме угроз, исходящих от миграции, в своих политических или корыстных целях, используют слишком примитивный понятийный аппарат, пользуются слишком упрощённым прочтением этой темы, чтобы не заподозрить их в определенной ангажированности или в лучшем случае непонимании ситуации.

Поставив перед собой задачу рассмотреть причины проникновения на нашу территорию радикальных исламистских идей, автор не мог обойти вниманием вопросы миграции – как внешней, так и внутренней. К сожалению, формат книги не позволит подробно осветить эту проблему, но рассмотреть её с разных сторон и выделить угрозы распространения ваххабизма, связанные именно с процессами, сопровождающими миграцию, автор считает себя обязанным.

Люди всегда были одним из важнейших ресурсов, которые позволяли создавать разные по своему масштабу цивилизационные проекты. Сегодня борьба за этот ресурс становится предельно острой, жесткой и бескомпромиссной. Шестой технологический уклад в значительной своей степени ориентирован на когнитивные технологии, на технологии, позволяющие максимально раскрыть человеческий потенциал – как на микроуровне, так и на уровне масштабных социальных проектов, включающих в себя миллиарды человек. Страна, искусственно замыкающаяся на себя и отказывающаяся вести борьбу за людской потенциал, не имеет будущего.

Это требование не только нашего времени. Миграция во все времена была инструментом обновления. Даже в примитивных замкнутых обществах суще-

ствовала и продолжает существовать традиция и обычай предлагать случайному гостю извне самую красивую девушку, тем самым внося в свое общество свежую кровь. У разных народов, даже у тех, которые традиционно использовали закрытый сословный или кастовый характер построения общества, есть сказания, легенды и предания о великих пришельцах, сумевших преодолеть барьеры, стать во главе тех или иных грандиозных свершений, которые бросали далеко вперед развитие этих народов.

Миграционные процессы создавали противоречия, становившиеся источником развития, и в этом смысле они несомненно способствовали прогрессу. Однако у них есть и обратная сторона – величайшие мировые империи рушились под натиском варваров и дикарей, сносящих всё на своём пути. Великая Римская империя – классический пример такого обрушения.

Но это всё слишком абстрактно и далеко как от наших дней, так и от самой России. Мы живём здесь и сейчас, и поэтому в практическом плане нас должна беспокоить в первую очередь наша страна, мы и будущее наших детей. Всё остальное – упражнения для ума.

20 век для России был веком колоссальных испытаний и катастроф. Трижды наша страна попадала в ситуацию, каждая из которых вполне могла стать концом для большинства стран и народов. Гражданская война лишила Россию примерно 20 миллионов людей. Часть из них погибла в ходе боевых действий, часть – умерла от голода и болезней, очень значительная часть эмигрировала за рубеж. Нельзя сказать, что потеря последней группы была совсем уж катастрофичной – любители хруста французской булки, безусловно, станут горевать об их потере, но это была та элита, которая и довела страну до катастрофы. Её потеря не носила однозначно негативного характера – страна по сути, избавилась от «дурной» крови, хотя, конечно, лучше бы обходиться без таких радикальных хирургических решений.

Вторая катастрофа последовала буквально через два десятилетия. Великая Отечественная война лишила страну еще нескольких десятков миллионов человек и создала еще одну демографическую яму невосполнимых потерь, последствия которой ощущаются и сейчас.

Наконец, крушение Советского Союза стало по своим последствиям событием, которое более чем сравнимо с суммарными последствиями Второй мировой и Гражданской войн. Россия утратила свои территории почти со 100 миллионами людей населения. Новая демократическая власть не заинтересована в публикации порочащих её статистических данных, и поэтому сложно понять, сколько людей было потеряно по причине крушения СССР на территории России – от голода, болезней, во время вынужденного бегства из «горячих» точек, от сокращения продолжительности жизни.

Так или иначе, но все три катастрофы самым пагубным образом отразились на демографической ситуации в нашей стране. Некоторые учёные полагают, что не будь этих событий, численность населения на территории бывшей Российской империи могла достигнуть в наши дни полумиллиарда человек и даже более. Реальность выглядит хуже в два с лишним раза. Это и есть та цена, которую заплатил наш народ за ошибки и просчеты своего руководства в 20 веке. Цена, которую мы продолжаем платить и сегодня.

Россия не способна выполнить сегодняшние задачи, стоящие перед ней, с тем количеством населения, которое сегодня реально проживает на её территории. Для защиты интересов страны от внешних угроз, для реализации целого перечня модернизационных проектов, для развития требуется население, по разным подсчетам превосходящее нынешнее в полтора-два раза.

Нынешняя же политика государства, направленная на упрощение экономики, деградацию образования, культуры, переформатирующая наши цивилиза-

ционные коды в угоду космополитичным «общечеловеческим ценностям» создаёт дополнительную проблему качества оставшегося после всех экспериментов над собой населения страны.

Всё сказанное говорит о том, что миграция является для России в сложившихся условиях практически единственным источником людских ресурсов, способным по крайней мере количественно изменить сложившуюся критическую ситуацию.

Доклад Российского совета по международным делам «Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски», изданный в виде Рабочей тетради в 2013 году, вполне определённо говорит об этом:

«...Дефицит трудовых ресурсов не может быть сглажен мерами демографической политики (результаты которой, при самых благоприятных условиях, скажутся после 2025 г.), а также сколько-нибудь существенно компенсирован повышением производительности труда.

Важнейшим источником компенсации сокращения трудовых ресурсов на ближайшие десятилетия является миграция. Дефицит рабочих рук — один пласт проблемы. Другой — неуклонное снижение численности населения России. Если дефицит трудовых ресурсов может быть гипотетически восполнен притоком временных трудовых мигрантов, то сгладить депопуляцию можно исключительно притоком иммигрантов, переселяющихся на постоянное жительство в Россию.

Иммиграция становится важнейшим элементом поддержания потенциала экономического развития, сохранения стабильности в отдельных регионах, обеспечения национальной безопасности...»

Таким образом, вопрос ставится предельно прямо и жёстко – России тре-

буется не просто сезонная рабочая сила, приезжающая на заработки, а полноценный приток людей, которые станут гражданами нашей страны и свяжут с ней свою дальнейшую судьбу:

«...Следует готовиться к тому, что приток мигрантов возрастет. (Согласно прогнозу Росстата, миграционный прирост в 2012–2030 гг. даже по «среднему» варианту будет существенно выше современных масштабов и составит 7,2 млн человек). Неотвратно и то, что это будут иноэтничные мигранты — ввиду сокращения миграционного потенциала российских соотечественников.

Иммиграция для России — не вопрос выбора, а вопрос необходимости. Иммиграция становится важнейшим элементом поддержания потенциала экономического развития, сохранения стабильности в отдельных регионах, обеспечения национальной безопасности. Массовый приток иноэтничных мигрантов станет глобальным вызовом, если не удастся обеспечить адаптацию и интеграцию тех из них, кто связывает свое будущее с Россией, и превратить их в лояльных граждан независимо от этнического происхождения и государства выхода...» (Там же)

Перед нами жесткий и непростой выбор. Либо Россия не справится с вызовами времени в связи с критическим дефицитом населения, либо она утратит свою идентичность, не сумев справиться с проблемой интеграции чужаков и превращения их в своих полноценных граждан. Вот две границы, внутри которых возможно конструктивное решение стоящих перед нами задач. Выход за пределы одной из этих границ однозначно станет для нас окончательной катастрофой, преодоление которой с сохранением единства и целостности страны неочевидно. Временные сроки, указанные в приведённой цитате — до 2030 года — говорят о том, что эту проблему уже не удастся переложить на наших детей. Это ответственность нынешнего поколения, и никакого иного.

Основные понятия

Говоря о миграционных процессах, нужно придерживаться общепринятых определений. Однако чтобы избежать некоторых разночтений, уточним терминологию.

Под *интеграцией* понимается процесс встречного движения культур прибывающих мигрантов и встречающего их социума, при котором происходит смешивание и видоизменение культурных норм и ценностных смыслов, даже если они в сепаратном своём развитии противоречили друг другу. Ответственность за ход и качество интеграционных процессов всех их сторонах, однако принимающий социум обладает преимущественными правами на сохранение своих ценностных ориентиров и базовых этических норм. Смешивание и видоизменение культурных норм не требует отказа каждой стороны от своей идентичности, задача интеграции заключается в создании баланса между ними, не разрушающего насильственно ни одну из них.

Адаптация – это процесс приспособления к принимающему социуму без взаимных обязательств по отношению друг к другу. Важнейшим ограничением адаптации является безусловное принятие мигрантами действующих норм и правил принимающего их социума без права влияния на их изменение.

Ассимиляцией называют процесс отказа от собственной идентичности и полное «растворение» в другом социуме.

Сегрегация – изоляция одной из сторон процесса, запрет для неё на любые формы проявления своей идентичности за пределами сегрегационных зон.

Цивилизационный кризис

Нет никаких сомнений в том, что для современной России процессы интеграции мигрантов просто обязаны быть исключительно сложными и проблемными. Наивно предполагать, что возможно как-то иначе.

Враждебность коренного населения к пришельцам обусловлена его собственным тяжелым положением. В обществе очевидно отсутствие веры в себя, в других людей, существует серьезный кризис доверия к государственным институтам. В таких условиях перечень тех, кто вызывает доверие, ограничен очень узким кругом ближайшего окружения. Все остальные вызывают настороженность и враждебность.

Конкурентная модель отношений, внедряемая на протяжении последних двух десятилетий, страх оказаться в числе тех, кто *«не вписался в рынок»*, как равнодушно отозвался о выброшенных на социальное дно людях Е.Т.Гайдар – всё это и без мигрантов создаёт в российском обществе ситуацию раздробленности и размежевания. Человек человеку волк – вот идеал общества неолибералов, декларирующих звериные нормы общественных отношений в качестве нормы. Выживет сильнейший, - нормальная неомальтузианская логика людоедов из высоких кабинетов.

Предполагать, что культивируемое зверство вдруг внезапно превратится в терпимость по отношению к «понаехавшим», несколько наивно. А из сказанного следует вполне рациональный и холодный вывод – интеграционный потенциал российского общества серьезным образом искусственно снижен.

Лозунг «Россия для русских!» в 2011 году поддерживался 58% опрошенных россиян против 43% в 1998 году. При этом стоит вспомнить, что 1998 год – это год, когда действия боевиков-ваххабитов на Северном Кавказе достигли своего апогея. Страшный бородатый кавказец был реальным пугалом, именно в эти

годы в оборот была введена понятная и в нынешние толерантные времена аббревиатура ЛКН. Ксенофобские настроения в 1998 году выглядели гораздо более оправданными.

Что же произошло за эти годы?

Если обратиться к фундаментальному исследованию Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования «Государственная политика вывода России из демографического кризиса», выполненному в 2007 году, то среди его выводов можно встретить сухую констатацию:

«...в России на фоне общего многолетнего снижения рождаемости, перманентного роста смертности и в результате ежегодной естественной убыли населения в 0,5–0,7% от его численности оказывается, что основные потери несут русские. Их реальная (а не переписная) численность сократилась на 7% (переписная — на 3,3%), тогда как всего населения страны — только на 1,3%.

Таким образом, за последние 15 лет произошло резкое сокращение численности основного носителя цивилизационных государствообразующих потенциалов, что при сохранении подобных тенденций, как уже было показано (см. рис. 1), весьма опасно для российской государственности. Объяснить явление этнической избирательности российского демографического кризиса в отношении русских можно только и исключительно через идейно-духовные и цивилизационные утраты...» (стр. 79 Доклада)

Вряд ли каждый русский знаком с этим докладом, однако коллективное бессознательное улавливает указанную тенденцию. Столь существенное сокращение численности государствообразующего этноса как в абсолютных, так и в относительных цифрах даже без внешней экспансии выглядит угрожающим.

Происходит реакция, направленная на сохранение цивилизационной идентичности, и в сложившихся условиях разобщенности и недоверия она выглядит как враждебность, направленная на всех «чужаков», которым инстинктивно приписываются только негативные черты, неважно – мнимые они или настоящие.

Еще одним тревожным признаком становится внутренняя миграция русских. В 79 регионах отмечена убыль русского населения, в 4 – его доля осталась неизменной, увеличение русского населения отмечена в 14 регионах. Происходит «схлопывание» ареала обитания русских, причем во всех национальных республиках, за исключением Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, русское население неуклонно уменьшается. Лишь в Удмуртии оно пока остается неизменным. Что еще тревожнее – если в большинстве федеральных округов русские перераспределяются между регионами округов, то в Дальневосточном они уменьшились численно во всех его областях. В 14 регионах из 79, в которых произошло сокращение русского населения, убыль русского населения приобрела катастрофические размеры (5 регионов) и значительные (9 регионов).

Для этих регионов основной причиной убыли стал миграционный отток русских, связанный с этнополитической ситуацией и депрессивной экономической обстановкой. Для всех регионов, в которых произошла убыль русского населения, действует еще один крайне тревожный фактор – русские женщины рожают мало. Меньше русских (1,446 детей на 1 женщину) рожают только еврейки (1,264). Это средние цифры по стране, не учитывающие возрастную структуру этносов географические особенности, но если подробно разбирать причины такого положения дел, то мы приходим к еще одному неутешительному выводу – во всех катаклизмах 20 века именно русский народ понес самые высокие потери как в абсолютных, так и относительных показателях. В итоге доля русских женщин детородного возраста снижается в общем числе женского насе-

ления России быстрее всего.

Есть десятки других, близких по своему влиянию и чуть менее значимых факторов, но для нас важнее подробного их разбора конечный вывод: русский народ находится на сегодняшний момент в кризисе. Уменьшается его численность по абсолютным и относительным показателям. Сокращается его ареал обитания. Отсутствуют резервы демографического роста численности за счет миграции русских извне, нет этих резервов в плане резкого подъёма рождаемости. Единственный незадействованный резерв – увеличение продолжительности жизни и сокращение детской смертности. Эти показатели по сравнению с остальными развитыми странами выглядят совершенно неадекватными. По данным 2007 года в России каждую минуту рождается 3 человека, умирает – 4. В Китае это соотношение 38 к 16, в США – 8 к 4.

По масштабам потерь Россия занимает первое место, что позволяет определить ситуацию как чрезвычайную, как демографическую катастрофу и цивилизационный вызов народам России и самому будущему страны.

Это свидетельствует об эксклюзивном наборе причин явления и об особой роли государственной политики [Выделено Авт.] в этом отношении — естественные процессы явно не полностью объясняют ситуацию... Очевидно, что причины текущего репродуктивного кризиса в России заключаются прежде всего в специфике осуществленных реформ, т. е. в содержании и качестве государственной политики. (Там же, стр. 69)

Подводя предварительные итоги сказанному, можно сделать довольно нелицеприятный для современной российской власти вывод. Избранный путь развития, на который встала Россия в 1991 году, объективно обострил сложные демографические проблемы, создал новые и привел к тому, что единственным приемлемым выходом из ситуации стала внешняя миграция, причём выбор не

просто невелик, а практически безальтернативен. Либо миграция извне будет нарастать со всё более уменьшающимися шансами воспрепятствовать размыву российской идентичности перед наплывом этночужаков, которые попросту не буду успевать интегрироваться в российское общество – либо катастрофа, вызванная недостаточностью численности населения для выполнения всех задач, стоящих перед Россией, как страной.

Очевидно, что решение проблемы интеграции мигрантов в этой системе вторично. Первичным является ошибочный курс на ускоренную модернизацию по наиболее бесчеловечным зарубежным проектам, не учитывающим к тому же специфику и особенности России, как органической составной части неевропейских цивилизаций.

Выходящие из-под контроля процессы миграции преимущественно из стран, относящихся как раз к неевропейским цивилизациям, способны разрушить нашу страну сразу по двум направлениям. С одной стороны, наплыв иноэтничных мигрантов «размоет» российский народ и запустит процесс его ассимиляции, с другой – мигранты-чужаки ещё более далеки от европейских ценностей, чем русские. Став влиятельной силой в России, экзогенные и чуждые нам ментально пришельцы неизбежно воспротивятся существующей и навязываемой либеральными реформаторами модели модернизации. Мигранты станут спусковым крючком контрмодерна, который похоронит евромодернизацию.

Можно сказать, что «Арабская весна» в этом смысле является весьма убедительной иллюстрацией, что произойдет, когда массы мигрантов сумеют занять более уверенное положение в России. «Арабская весна» объективно является контрмодерном, ответом на ускоренную модернизацию по внешним, привнесённым извне моделям – как западного толка, так и национал-социалистического. Обе этих модели во многом противоречат цивилизационной сущности исламского мира – и «Арабская весна» стала реакцией на эти проекты. Она

стала тем более болезненной, что грозные признаки роста недовольства усиленно давились прежними режимами. Революция 79 года в Иране была весьма веским предупреждением светским и прозападным режимам Ближнего Востока, но они так и не сумели осознать опасность ускоренной вестернизации своих стран.

Пожалуй, только Сирия в последние годы перед «Весной» сумела начать проводить относительно сбалансированную политику, что и обусловило её исключительную устойчивость к событиям «Арабской весны» на своей территории – но это никак не отрицает того факта, что даже в случае победы в идущей сейчас войне сирийское светское руководство должно будет существенно пересмотреть суть проводимых им реформ своей страны, адаптировать их к особенностям сирийского общества.

Вторая значимая причина кровавых событий «Арабской весны» заключается в попытке Запада оседлать национально-освободительные движения в своих интересах, используя для этого свой собственный инструмент в виде террористических организаций, выступающих под знаменами ислама. Нет никаких сомнений, что аналогичный сценарий будет применен и в России – тем более опасным видится ваххабизм, который и стал основным инструментом Запада в его проектах по сносу социальных субъектов.

Поэтому, даже реализуя мероприятия по упорядочению миграционных процессов без решения основного вопроса – содержания модернизационных реформ – в конечном итоге русские не только не смогут модернизировать свою страну, но и окажутся в ней на подчиненных ролях, оттесненные пришельцами в анклав, куда они и начинают «сжиматься» уже сейчас. И здесь мы должны всегда держать в уме Косово, как вполне реальный сценарный план такого рода перспектив. Никакие аргументы по поводу исторической принадлежности тех или иных областей или регионов не будут приняты во внимание, если в них значимую роль начнут играть чуждые нам и нашей идентичности не желающие ин-

тегрироваться пришельцы.

Цивилизационный выбор России настоятельно требует отказа от этики и нравственного выбора проводимых реформ и проведения модернизации на принципах, отвечающих нашим особенностям. В противном случае это же самое сделают пришельцы – но в своих интересах, а Россия перестанет быть страной русских или перестанет существовать вовсе. Во всяком случае в тех границах и в том виде, в котором она существует сейчас.

Для того, чтобы понять, в чём заключается «наш» выбор, требуется небольшое отступление, выходящее за рамки тематики этой книги.

Принципиальное отличие европейского «выбора» от российского

Выдающийся советский и российский востоковед Л.С.Васильев в своем двухтомном труде «История Востока» пишет:

Неевропейское государство, в отличие от европейского антично-капиталистического, никогда не было тем, что марксизм именует надстройкой над базисом. Оно не ставило и не могло ставить своей целью выражение интересов господствующего класса собственников, ибо такого класса не было, да и государство было иным. Неевропейское государство с незапамятных времен всегда и везде было не только неотъемлемой частью неотчленимого от него социума, но и вершиной его. Включая в себя социум, венчая его, оно всегда возвышалось над ним и подчиняло его себе. Иными были и его функции. Конечно, кое-какие – защита страны, охрана порядка, организация внешних сношений, административно-территориальное правление, суд, взимание налогов и т. п. – вполне сопоставимы с функциями европейского государства, порой даже идентичны им. Но коренное отличие в том, что в неевропейском обществе государство являет собой высшую и ничем не ограниченную власть, перед которой трепещет и обязано трепетать все общество, снизу доверху, – в этом весь смысл разницы! И если в Европе власть зависит от баланса противоречивых тенденций в социуме (откуда и марксистская идея о классовых антагонизмах), то на Востоке авторитет власти ни от чего подобного не зависит. Он зависит только от силы самой власти, от эффективности централизованной администрации и в конечном счете от регулярного притока в казну гарантированной нормы дохода.

Именно такого рода стандарт веками складывался в древности. Он держался на силе традиций, опирался на сакральный авторитет богов и был нужен в конечном счете привыкшему к нему социуму. Нужен ради сохранения

*привычной и в целом благодатной для социума консервативной стабильности.
(Л.С.Васильев «История Востока». Т.1. Гл. 16 «Государство и общество»)*

Важнейшим отличительным признаком неевропейского общества и государства от европейского Л.С.Васильев видит в том, что исторически только в европейском обществе сложилась частная собственность в том виде, в котором она навязана сейчас и России. Частный собственник является основой общества, право частной собственности священно и неотчуждаемо, вытекающее из этого стремление собственника к прибыли является его основным мотивом существования. Для неевропейских обществ это не так. Частная собственность в них являлась и является всегда вторичной по отношению к государственной:

«Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.2. С.354)

Марксизм построен на политэкономических реалиях Западной Европы. Маркс, хотя и не обладал всей полнотой знаний о Востоке, чётко уловил неработоспособность своей теории в условиях, не соответствующих европейским, назвал довольно абстрактно соответствующий им способ производства «азиат-

ским», практически не исследовал его и сконцентрировал всё своё внимание на близких и известных ему европейских моделях.

Принципиальное отличие европейской цивилизации от всех остальных Л.С.Васильев называет «социальной мутацией», выводя её генезис из античной Греции, заложившей основы современной европейской цивилизации. Европейская цивилизация – это своеобразное отклонение от нормы. Природа всегда создает такие отклонения, предпочитая вариативность, что увеличивает вероятность выживания как биологических видов, так и социальных систем.

Именно в связи с этой инаковостью европейской цивилизации, её принципиального отличия от всех остальных земных цивилизаций, все попытки ускоренных модернизаций «по-европейски» в неевропейских условиях всегда и везде приводили к цивилизационным кризисам и в конечном итоге отторжению проводимых реформ, откату назад. Невозможно внедрить за короткий исторический срок этику, противоречащую самой психической природе социума. Даже Древний Рим, вплотную подойдя к стадии мануфактурного производства, так и не сумел совместить внутри античной психики коллективный труд и индивидуальную свободу. Это и стало одной из причин его краха. Средневековой Европе потребовалась целая тысяча лет, долгий мучительный подъём через очень сложные испытания. Только после этого европеец эпохи Возрождения, наконец, овладел необходимой психической установкой, позволившей ему пройти непреодолимый ранее барьер.

Для неевропейской цивилизации предложение пройти путь отказа от своих цивилизационных установок и внедрения чуждых ей за жизнь одного-двух поколений выглядит тем более утопией – хотя эту утопию в разных странах упорно внедряли в течение всего 20 века. Либеральные реформы в России конца 19 - начала 20 века предсказуемо закончились революцией и контрреформацией, возвратом к традиционным формам взаимоотношений государства

и общества. Российское общество отвергло тот вариант модернизации, которую очень неглупые премьер-министры Витте, Столыпин попытались механически перенести на российскую почву по западноевропейским лекалам. Традиционная проблема российских правителей – они совершенно не знают страны, в которой живут и которой управляют.

Безусловно, даже после отката назад и отказа от евромодернизации и вестернизации страна и цивилизация, прошедшая через столь тяжелое испытание, не может вернуться в ту же точку, с которой начинала его. Она неизбежно впитывает те или иные совмещающиеся с её традициями элементы развития. Происходит определенная конвергенция, но цена, которую приходится за неё платить, зачастую выглядит просто несоразмерной. Выживание страны после таких экспериментов никем не гарантировано. Большой вопрос, к примеру, что в итоге станет со странами Арабской весны и вообще регионом Ближнего Востока. Наиболее катастрофичной в перспективе выглядит ситуация в Египте, который вестернезировался и, казалось бы, превратился в одну из наиболее европеизированных стран арабского мира – и именно Египет в полной мере сейчас испытывает последствия отката назад.

Говоря о России, решительно нет никаких указаний на то, что современные либеральные реформы способны переформатировать психику русского человека и внедрить в него чуждые этические нормы – алчность, как движущую силу прогресса, прибыль, как критерий эффективности производства. Стремительное внедрение базовых основ этики капитализма способно искалечить психику и создать каких-то мутантов, но цель любого цивилизационного переформатирования – это создание нового гармонично развитого человека. Который находится в первую очередь в ладах со своим внутренним миром. Будь то человек коммунистического мировоззрения или свободолобивый толерантный космополитичный еврурусич.

И вот с этим, похоже, у реформаторов не получается. Идеальный потребитель получается, но что-то более похожее на человека – никак. Очень напоминает старый советский анекдот о слесаре, укравшем на заводе детали от велосипеда, но что бы с ними он ни делал – все время получался автомат Калашникова. Отторжение этих реформ, неприятие их обществом более чем очевидно, несмотря на все заклинания действующей власти о «необратимости» их, об отказе от пересмотра итогов приватизации и так далее. Никаких сомнений нет, что возврат, отказ и пересмотр состоятся – вопрос только, какой ценой.

Есть одно исключение из общего правила. В одной-единственной стране Востока – Японии – 19 и 20 век стали эпохой бурного роста и модернизации именно по европейскому образцу. Однако в этом исключении просматривается железная закономерность – Япония начала модернизацию и переход на капиталистические рельсы, будучи на пике национального подъема и развития. Япония как раз завершила выход из сложного и затяжного кризиса, преодолела тяжелые противоречия предыдущего периода. Кроме того, плюсом для Японии стало то, что она находилась на периферии интересов колонизаторов как страна, не имеющая привлекательных природных ресурсов.

Второй пример – модернизация СССР. Советский Союз строил некапиталистическое будущее, поэтому его нельзя ставить в один ряд с Японией. Однако успех модернизации 30 годов также оказался связан с психологическим настроением народа, который поверил в тот выбор, который ему предложила ВКП(б), и этот выбор оказался цивилизационно близок и понятен. Середина-конец 20 годов прошли в очень жесткой внутривластной борьбе и дискуссиях, в ходе которых сумела утвердиться точка зрения на характер модернизации СССР по максимально близкому к ментальности нашего населения пути.

Все остальные страны, вынужденные проходить этап модернизации и вестернизации, делали это «от нужды» и «по принуждению». При этом они нахо-

дились либо в кризисе, либо в предкризисном состоянии. Кроме того, все эти страны в процессе своей модернизации были объектами колонизации со стороны европейских стран, что обуславливало колониальное направление развития их экономик, а следовательно – и уродливую трансформацию социума. Собственно, мы всё это видим на своём собственном сегодняшнем примере.

Модернизация и призыв «невидимой руки рынка» в нашей стране проходили в состоянии тяжелейшего управленческого и экономического кризисов, притом оба кризиса взаимно дополняли и усиливали друг друга. Крах СССР привел к тому, что Россия оказалась под управлением неокolonизаторов и туземных администраторов-коллaборационистов. В таких условиях наша страна могла строить только экономику колониального типа – торговля сырьем, уничтожение всей конкурентоспособной промышленности, тотальный вывоз капитала за рубеж через механизм полной конвертации рубля. В царской России перед Первой мировой войной строилась точно такая же экономика с таким же влиянием на неё стран Европы, рассматривавших Россию в качестве своей колонии. К чему это привело – известно.

Таким образом, современная Россия никак не способна повторить японский опыт конца 19 - начала 20 веков и свой собственный 30 годов прошлого века. Наш удел в такой ситуации – это повторение опыта Индии, Китая, всевозможных Таиландов и Индонезий. Колония – освободительная борьба – мучительный путь вверх. Тот, кто пытается рассказать нам о светлом будущем демократической России под водительством сторонников европейского выбора, либо бессовестно лжет, либо в лучшем случае добросовестно заблуждается. Нет никаких причин отвергать модернизацию. Но проводить её так, как проводили её все развивающиеся страны, платя за это невероятно высокую цену, опасно и преступно. Четвертую революцию Россия может просто не выдержать – а иного пути при продолжении текущей политики попросту не просматривается.

Модернизация возможна и необходима только после создания условий для неё. Однако эта задача даже не формулируется, а потому не ставится и не решается. Под вывеской того, что нынешняя власть называет «реформами», страна уже третье десятилетие исправно перекачивает свои природные ресурсы в направлении колонизаторов, там же оставляя заработанное. Навстречу идут товарные потоки импорта, выжигающие наше собственное производство. Вступление в ВТО в таких условиях объективно хоронит нашу промышленность и что самое опасное – сельское хозяйство. Небольшой период середины нулевых годов, когда в России отмечался приток иностранного капитала, характеризовался ценовым бумом на углеводороды, и по мнению экономистов, значительную часть этого притока составлял обычный рисковый спекулятивный капитал. Всё остальное время наш удел – вывоз капитала и национальных богатств. Мы платим контрибуцию победителям – и до тех пор, пока не стряхнем с себя навязанный нам Версальский мир, будем её платить.

Автор не испытывает ни малейшего почтения к проводящемуся с 1985 года и по сей день курсу страны, однако это отступление сделано не для прояснения его позиции.

Смысл отступления от темы сугубо прикладной. Мы ведем речь об угрозе ваххабизма. Все причины, ослабляющие нас перед этой угрозой, являются важными. Важнейшая – наша слабость, обусловленная кризисом, начавшемся еще в советское время и продолжающимся по сей день. Россия уже выиграла один бой с ваххабизмом в начале двухтысячных – но так и не закрепила эту победу, так и не сумела создать барьеры для его проникновения в нашу страну. Заслуга президента Путина в первой победе несомненна – и точно так же несомненна его вина, как руководителя, не сумевшего закрыть проект ваххабизма в нашей стране окончательно. Продолжение бесчеловечных и разрушительных неолиберальных реформ объективно реанимирует все остальные враждебные проекты,

несмотря на бравурные доклады о преодолении трудностей. Идиома «вставание с колен» приобрела вполне заслуженно саркастический смысл.

Страна продолжает находиться в тяжелом системном кризисе. В таких условиях демографический кризис является естественным следствием общего кризиса России и не имеет в складывающихся обстоятельствах никакого конструктивного выхода. Мы объективно сталкиваемся с проблемой миграции извне – и никаких причин, позволяющих нам ее существенно ограничить, не существует. Ксенофобия и усиливающаяся враждебность населения к пришельцам никак не могут помешать их массированному наплыву. Если чисто политически и административно мы его прекратим – рухнем под тяжестью стоящих проблем, на решение которых у нас просто нет людей. Не прекратим – ассимилируемся и сдадим свою территорию в течение жизни одного-двух поколений при продолжении текущей политики государства.

Есть два исторически оправданных пути относительно конструктивного по последствиям пути интеграции столь массового наплыва чужаков. Первый путь прошли США и Советская Россия. Это – индустриализация. Именно в ходе индустриализации народы Европы, Азии и Африки в США сумели перемешаться и создать прочный сплав, которым стал народ Америки. Точно так же в ходе советской индустриализации народы Российской империи совершили гигантский шаг вперед по созданию той самой единой общности новых людей под названием советский народ. Не все оказалось гладко, и у нас, и в Америке были и остались серьезные проблемы, которые неизбежны при столь масштабных мероприятиях, но в целом идея «плавильного котла» оказалась уникальной и во многом универсальной, так как была реализована в разных по своему историческому опыту цивилизационных условиях.

Второй путь – освоение территорий. И вновь – и США, и Россия проходили этот путь, и прошли его во многом удачно. Освоение Дикого Запада и Сиби-

ри с Дальним Востоком по своему масштабу были довольно близки, хотя существенно отличались между собой в плане отношения к коренному населению. В России коренное новых территорий население при всех издержках включалось в состав российского народа, для Америки была более характерна сегрегация с последующим истреблением коренного населения и его во многом насильственной ассимиляцией.

Оба эти пути имеют ряд существенных ограничений, не являются панацеей, но по крайней мере, обладают интеграционным потенциалом превращения разных народов с относительно гомогенную общность, объединяя её языком, общими традициями и этическими нормами. Идущие вне индустриализации и освоения территорий миграционные процессы, как показывает опыт современной Европы, Юга США, современной России ведут к возникновению гетерогенного общества, состоящего из не совмещающихся между собой культур, живущих обособленно на одной территории. Характерным следствием таких процессов является рост ксенофобии у всех национальных и культурных групп такого гетерогенного общества, создание специфических анклавов («Чайна-таунов» и мест компактного проживания не желающих не только интегрироваться, но даже адаптироваться в жизнь страны пребывания людей).

Пока развитие страны идет именно по пути гетерогенизации – пришельцы извне в силу различных причин, и в первую очередь в связи с качеством проводимой государственной политики, не интегрируются в наше общество. Растет социальная напряжённость, вызванная этим фактором. Причём враждебность нарастает с обеих сторон – мигранты, рассчитывая на укоренение в России, испытывают оптимистические надежды в начале своего пути «сюда», которые очень быстро разбиваются о тот факт, что им здесь не рады.

Социальная мобильность мигрантов зачастую носит устойчивый нисходящий характер – даже высокий уровень образования и профессиональные навыки

ки оказываются невостребованными, люди вынуждены устраиваться на работу, не соответствующую ни их запросам, ни их реальным возможностям. Ограниченность движения по так называемым «социальным лифтам» даже для коренных жителей вынуждает мигрантов включать привычные способы внедрения в общество через этнические и клановые механизмы. Создаются устойчивые этнические группировки, автономно «протаскивающие» своих людей по вертикали и горизонтали, захватывая целые отрасли экономики города, региона, генерируя дополнительные социальные проблемы для коренного населения.

В России миграционные процессы идут по послевоенному европейскому пути. Пока они носят менее фатальный по последствиям характер, так как речь идёт о массовым наплыве людей из республик бывшего СССР, которые по крайней мере знакомы с русским языком – однако все остальные проблемы встают в полный рост. Линия разлома между коренным населением и этночужаками расширяется – и является причиной постепенного вытеснения русских из большинства российских регионов. Пока до косовского сценария мы еще не дошли – но то, что процессы идут в этом направлении, вполне очевидно.

Специфика модернизации нашей во многом неевропейской страны по европейскому образцу объективно ведет к чрезвычайно высоким издержкам, выражающихся в углублении демографического кризиса, наплыву мигрантов без объективных предпосылок для их интеграции, гетерогенизации общества, вытеснения русских из мест их проживания, сужение ареала обитания русских. Мы должны понимать, что евромодернизация и построение капитализма в России варварскими ускоренными методами в сегодняшних конкретных исторических условиях приведет либо к окончательному крушению России как цивилизации, либо к контрреформационным процессам отказа от «завоеваний» капитализма с неизбежной высокой платой за этот откат. «Русская весна» станет цивилизационной катастрофой значительно большего масштаба, чем «Арабская».

Безусловно, нет безвыходных ситуаций. В нашем случае – это понимание властью тупиковости выбранного пути и неизбежного крушения страны по одному из двух граничных сценариев. В случае контрреформации «сверху», переосмысления модернизационной модели, ориентирования ее на российские традиции и отказ от наиболее людоедских и неприемлемых этических норм, внедряемых в нашу психику, могут стать приемлемым выходом из ситуации. Замена модели потребления на модель творческого развития может стать альтернативой приближающимся катастрофическим явлениям.

Однако пока, глядя на действующую власть, стоит признать, что в ней практически нет потенциальных лидеров, способных осознать и тем более решить эти непростые задачи. Как обычно, мы будем идти по самому трудному и затратному пути.

Мигрантская среда, формируемая в значительной своей части выходцами из исламских республик бывшего СССР, поставленная в довольно враждебные условия в России, вынуждена обеспечивать свою безопасность и развитие не через интеграцию в российское общество, а через вынужденную самосегрегацию, отделения себя от коренного населения. Коренное население воспринимает мигрантов как нежелательных пришельцев и стремится оградить себя от враждебного нашествия. Мигранты в свою очередь объективно обеспечивают свои интересы через объединительные механизмы традиционного уклада, в которых религия занимает ведущее место. Именно здесь и находят свое место ваххабиты, разворачивая свою работу среди наименее социально защищенных групп мигрантов-мусульман.

Схема, по которой ведется работа с мигрантами-мусульманами, проста и полностью соответствует привычному для них укладу. Стихийно формирующиеся общины нуждаются в священнослужителях, и ваххабитские «молельные комнаты» становятся вполне приемлемой альтернативой местным мечетям. Через

эти «молельные комнаты» пропускается значительное количество мигрантов-мусульман. Эти «комнаты» формируются по земляческому признаку, создаются подпольные или полуподпольные мечети для таджиков, узбеков, киргизов, казахов. В них ведется обработка и пропаганда – и именно эти «комнаты» становятся своеобразным фильтром и мобилизационной структурой ваххабитского подполья, имеющего возможность практически беспрепятственной работы с массами мигрантов.

Этническая закрытость таких общин делает полицейскую работу внутри них чрезвычайно сложной, а создание специальных этнических подразделений в правоохранительных органах затруднено нехваткой квалифицированных кадров, неизбежной коррумпированностью и чувством землячества. Именно поэтому работа правоохранительных органов на этом этапе борьбы с экстремистским подпольем не может быть эффективной по определению, и это не вина правоохранительных органов – они не способны решать несвойственные им задачи.

Кроме того, есть и сугубо организационная проблема, связанная с разделением между ведомствами борьбы с экстремизмом и терроризмом. Между этими понятиями есть существенная разница, и поэтому на первый взгляд вполне логично, что первым явлением занимается структура МВД, вторым – структура ФСБ. На практике оба эти явления тесно связаны между собой. Пастырь-имам, ведущий вербовочную работу, пропаганду, распространяющий идеи ваххабизма и соответствующую литературу, по формальным признакам ведет экстремистскую деятельность, однако он же может стоять и зачастую стоит в начале террористической цепочки. Борьба со всем комплексом проблем организационно разорвана между ведомствами, и существенная часть усилий вместо борьбы с ваххабитами тратится на межведомственные согласования и связи.

Объективные факторы внутренних угроз стабильности страны

Говоря об угрозе распространения радикальных идей в России, недостаточно использовать лишь качественные параметры, основанные на наших субъективных впечатлениях. Проблема в том, что огромный массив информации, доступный современному человеку, довольно сложно фильтровать на предмет достоверности.

Это позволяет манипулировать, иногда тонко, иногда грубо массовым и индивидуальным сознанием. Классический пример — информационная кампания перед реформой МВД. На обывателя в течение года обрушивался вал сообщений о бесчинствах и преступлениях милиционеров, организовывались микрокампании обеспокоенной общественности, после чего президент Медведев, сокрушенно разведя руками, пошел навстречу чаяниям народа. При этом чисто статистически в период кампании не наблюдалось никаких выбивающихся из привычной картины всплесков преступности со стороны правоохранителей — всё было как обычно. То есть, в этом тоже хорошего, конечно, мало, но откровенно проектный характер кампании просто-таки бросался в глаза.

Результат реформы — меньше чем нулевой. Новый министр, принявший дела год назад, продолжает разгребать и её последствия, и то, что нужно было разгребать еще до реформы.

Можно припомнить подобные кампании по поводу пьянства за рулём, усыновления за рубежом, программу тестирования «неэффективных вузов», запущенную в конце июня 13 года кампанию по реорганизации Академии наук — все они проводятся по одному и тому же сценарию и преследуют совершенно отличные от заявленных цели, причём далеко не всегда очевидные.

Зарубежные источники еще более изощрены. Их задача — создать обста-

новку неуверенности, сбить с толку, перевернуть и исказить реальную картину. Свобода слова и объективность — один из мифов, который используется ими в борьбе со своими противниками.

Уже поэтому нужно с осторожностью относиться к алармистским призывам по любому поводу. Медийная раскрутка единичных или даже системных фактов еще не свидетельствует о критической угрозе, хотя, конечно, заставляет более пристально рассматривать проблему.

Угроза распространения исламского радикализма является вполне серьёзной, весомой и зримой. Однако для того, чтобы дать ей оценку, необходимо разобрать её на составляющие и попытаться определить, насколько каждый из существующих факторов значим, каковы уязвимые места имеются у нашей страны перед этой угрозой, где и в чём слабости самой этой угрозы.

Исламизм — неоднородное явление. Разные группы и организации исламистской направленности имеют разные цели, ставят перед собой не всегда совпадающие задачи, опираются на разные социальные слои, имеют разных спонсоров. Забегая вперёд, можно сказать, что исламистские организации, действующие в разных регионах России — скажем, на Северном Кавказе и Поволжье — имеют серьёзно отличающиеся между собой задачи и вообще природу.

Тем не менее, основные, базовые понятия и принципиальные цели у большинства из этих групп и течений похожи. Как и тандем Абд аль-Ваххаба и Ибн Сауда в 18 веке, современные исламисты видят своей целью построение исламского государства, которое будет защищать этические принципы «правильного» ислама, базироваться на шариате, как источнике права, распространять влияние ислама на максимально обширную территорию.

Принципиальное отличие современных ваххабитов от их аравийских пред-

шественников заключается в том, что Россия — не Аравия. Здесь нет той социальной опоры, которая может стать ударным кулаком, сносящим неверных. Однако и ваххабизм сегодня трансформировался и приобрел новые технологии, новый опыт и новые возможности.

Парадоксально, но нетерпимый к бид'а (новшествам) ваххабизм прекрасно обучается и использует современную тактику, отрабатывает современные методы ведения вооруженной борьбы, те объявляет запретными новые системы вооружений и информационные технологии. Ваххабиты-вербовщики осваивают просторы интернета, распространяя свои идеи и совершенно не задаются вопросом, не является ли харамом изобретение неверных. Всё это говорит лишь о том, что исламизм — обычный враг, один из многих, которые столетиями пытались и будут пытаться решать свои задачи на нашей территории. Как и прежние враги, будет делать для этого всё возможное, используя все доступные ему способы и методы ведения борьбы. Поэтому нельзя относиться к исламизму как к чему-то невиданному и неодолимому. Как у любого врага, у него есть свои особенности, свои слабые стороны, и свои сильные. Безмозглые боевики, с пеной у рта выкрикивающие свои речёвки — это лишь видимая сторона этого врага. За ними — умный и безжалостный противник, и поэтому его не стоит ни недооценивать, ни испытывать перед ним сковывающий ужас.

Как любой умный враг, он ориентируется на наши слабые места и использует все наши ошибки, просчеты и промахи. Поэтому мы и должны рассмотреть наиболее важные из факторов, способствующих ослаблению нашей страны перед угрозой исламизма.

Радикальные воззрения для нашей страны не новость, однако в их исламистском исполнении они еще ни разу на протяжении всей истории России не испытывали нас на прочность. Поэтому поэтому ваххабиты действуют на нашей территории зачастую наощупь, методом проб и ошибок находя наши сла-

бые места. Они не могут опираться на сколь-либо значимые группы населения, у них нет связей с элитой, однако есть желание победить. Из этого следует, что стратегия исламистов на нашей территории — создание с нуля небольшой сплочённой и мотивированной социальной группы своих сторонников, раскол и запугивание всех остальных, дезорганизация властных структур.

Нужно отметить, что складывающаяся на протяжении последних десятилетий обстановка в стране во многом способствует реализации этой стратегии. Наиболее важным фактором, способствующим расколу народа, его фрагментации, формированию мощных протестных настроений, безусловно, является текущая социальная политика.

Критикуя действующую власть, проводимую ею политику, нужно исходить не только из объективных показателей, тем более, что статистические данные, к сожалению, подвержены манипулированию, а уж их интерпретация — так совершенно точно. Проводимая политика на основе одних и тех же показателей может быть представлена как в чёрных беспросветных тонах, так и выглядеть розовой, благолепной и бесконечно мудрой.

Современные войны ведутся в ментальном пространстве. Раскол любого общества — задача когнитивных технологий. Поэтому коллективное бессознательное при всей его субъективности является вполне рациональным и объективным фактором. Исключительно важной является оценка населением социальной политики властей с точки зрения справедливости.

Справедливость вообще является национальной идеей России. Картинные заламывания рук и поиск национальной идеи в 90 годы довольно убедительно показали, что новые власти прекрасно отдавали себе отчёт в несправедливом характере строящегося государства, чтобы попытаться использовать эту идею. Отсюда и идеологический вакуум, который был вполне сознательно создан, по-

иск абстрактной новой идеи.

С точки зрения справедливости, в нашей стране во все времена довольно спокойно относились как к бедности, так и к зажиточности — но категорически отрицали несправедливый характер присвоения. Здесь есть смысл слегка отвлечься и привести очень показательный пример нашей истории.

Сугубо рационально реформы Столыпина, который сегодня по какой-то причине возведён в ранг национального героя, выглядели вполне логично. Разрушение крестьянской общины должно было привести к укрупнению хозяйств, увеличению производства сельхозпродукции и привести к оттоку людей в города, где они и составили бы людской ресурс разворачивающейся индустриализации.

Однако на практике это привело к двум следствиям — появлению частной собственности на землю и возникновению социальной группы «справных хозяев»-кулаков.

Специфика природно-климатических условий России исключала частную собственность на землю, как источник развития хозяйственной деятельности. И дело здесь не в отсталости или глупости русского крестьянина.

Климатические условия России принципиально отличаются от западноевропейских. На сугубо бытовом уровне мы знаем, что начало аграрного сезона в нашей стране на полтора-два месяца отстает от западноевропейского — еще в конце апреля на полях вполне может лежать снег. Окончание его тоже существенно сдвинуто по сравнению с Европой. Таким образом, для русского крестьянина время для ведения хозяйственной деятельности существенным образом сжималось — при этом он был вынужден заготавливать большее количество кормов для животных, больше топлива для зимнего периода. Поэтому об-

щинное ведение хозяйства, когда община «всем миром» проводила вспашку, заготовку кормов, дров, помогала ремонту и возведению жилищ, способствовала выживанию в более жестких природных условиях.

Община была встроена в социальную ткань, была традиционным институтом организации общества — и поэтому частная собственность на землю, как основной источник благосостояния, была для России неактуальной. Частный собственник физически не мог выжить без помощи — соседей или государства. Собственно, реформы Столыпина это и подтвердили — класс кулаков в предельно короткие сроки превратился из товарного производителя в рантье.

Кулак, не обладая мощной механизированной базой, не был в состоянии самостоятельно обрабатывать бывшие общинные земли. Кулаки были вынуждены нанимать односельчан, сдавая им в аренду принадлежащую теперь уже кулакам землю. Очень быстро кулацкая прослойка осознала, что гораздо выгоднее заниматься не сельским хозяйством, не его интенсификацией, а тем, что сегодня называется модным словом девелопмент. В его самом примитивном толковании и исполнении. Класс кулаков очень быстро превратился в рантье, снимающих ренту с недавно еще общинных земель. Именно это и стало причиной ненависти к кулаку со стороны крестьян, дало ему прозвище «мироед» (от слова «мир» - «общество», «община»), и именно это привело к тому, что «справных хозяев» раскулачивали под улюлюканье односельчан. При этом улюлюкала не некая голытба, как сегодня пытаются представить страдальцы по хрусту французской булки, а вполне работающие середняки. Не кровавые чекисты стали причиной искоренения класса кулаков — а их несоответствие представлениям народа о справедливости.

Реформа Столыпина, будучи скопированной с западных сценариев, не учла российскую специфику и острое отношение русского крестьянина к несправедливости. Превращение земли в товар и появление класса мироедов по всем

понятиям выглядели предельно несправедливым для основной массы населения России. В итоге крах столыпинской реформы был предопределён.

Нужно отметить, что и в Европе слом традиционных форм хозяйствования не произошёл одномоментно. В Англии разрушение архаичных форм хозяйствования произошло в период огораживаний, что привело буквально к опустыниванию гигантских пространств страны. Свирепые законы, направленные против бродяг, согнанных из мест своего проживания, массовые казни и ссылки на каторгу в колонии привели к тому, что Англия заплатила за свой переход к раннему капитализму утратой почти трети населения. Франция попала в этот период в эпоху революций и наполеоновских войн — что в итоге привело к истреблению двух подряд поколений французов. Столыпин готовил России ту же судьбу — и совершенно не удивительно, что революция 17 года стала вполне адекватным ответом на вполне людоедский эксперимент либерального и человеколюбивого Петра Аркадьевича и его последователей.

Большевики в этом смысле добились того самого результата, на который рассчитывал Столыпин — но идея колхозов сумела совместиться с психикой русского крестьянина и выглядела значительно более справедливой. Это и предопределило успех такой формы хозяйствования — по крайней мере, на первых этапах существования Советской власти.

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на всей этой истории. Важно другое — не слишком формализуемое понятие справедливости может стать решающим фактором для как для успеха, так и для краха государственной политики, которая преследовала вполне разумные и рациональные цели.

Вернувшись к современности, можно сказать, что проведенные в начале 90 годов прошлого века реформы можно оценивать с точки зрения их эффективности и решения тех или иных задач. Однако в сознании народа эти реформы

прочно ассоциируются с предельно несправедливым характером как их проведения, так и достигнутого результата. Приватизация используется в большинстве случаев с обязательным прилагательным «грабительская», и можно приводить сколь угодно рациональные аргументы в её пользу, но изменить ментальное отношение к ней они не смогут.

Беспокойство правящего сословия России подтверждается периодически мантрами про необратимость и отказ от самой мысли пересмотра итогов приватизации — но сама периодичность их появления говорит о понимании властью неразрешимости сложившегося противоречия.

Раз противоречие неразрешимо — именно по нему и проходит одна из линий разлома нашего общества. В общем виде абстрактные понятия «линий разлома» вполне чётко и конкретно отражают те противоречия, которые не могут быть разрешимы в текущей общественной, политической и социальной системе отношений. Говоря о «линиях разлома», мы должны понимать, что это проблемы, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не будут разрешены в сложившихся условиях. Чем больше таких проблем — тем менее устойчиво общество и страна.

Именно по этим линиям разлома и проходит сегодня атака наших противников, и на передней линии фронта как раз исламские радикалы. Они используют и будут использовать неразрешимую ситуацию с несправедливым характером устройства сегодняшнего общества, выполняя одну из трех своих принципиальных стратегических задач ведения ментальной войны — раскола общества на враждующие друг с другом группы, взаимную подозрительность общества и власти, ослабление их перед захватчиками.

Исторически Россия складывалась, как сумма регионов, каждый из которых обладает своими уникальными особенностями. Взаимодополняясь, эти осо-

бенности обеспечивали синергетический эффект, при котором общая сумма оказывалась всегда больше простого сложения своих частей. Вероятно, как раз внутренняя энергия связей пока позволяет стране выдерживать как бездарные действия своих правителей, так и внешние угрозы своей целостности.

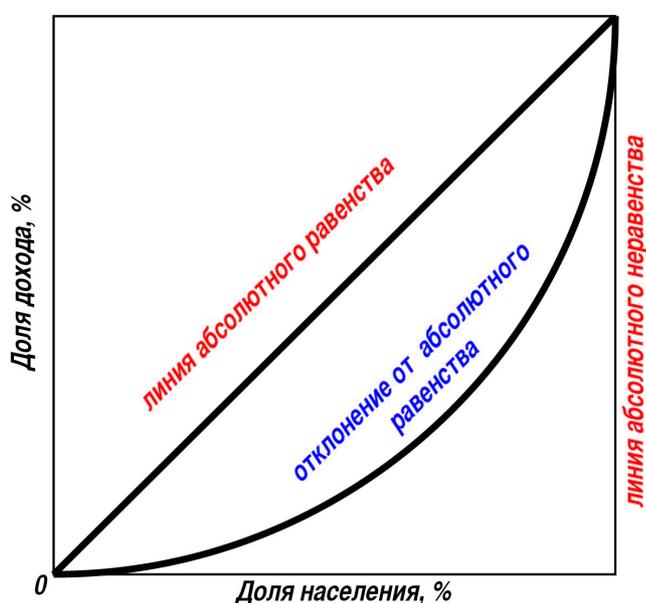
Говоря об угрозе распространения радикальных идей в стране, важно учитывать не «среднюю температуру по больнице», а рассматривать ситуацию в разных регионах. Важно понять, какие из них сегодня являются слабым звеном, какие могут им стать, каков запас прочности всей конструкции.

Само по себе понятие справедливости трудно формализовать. Оно зависит от традиций общества, его этики, среды обитания. Справедливость сложно измерить и сравнить. Поэтому при определении степени справедливости устройства общественной жизни приходится пользоваться скорее ощущениями, чем числами. Тем не менее, можно выделить несколько определяющих факторов, которые оказывают влияние на на эти ощущения. Чем точнее можно исчислить количественно эти факторы, тем объективнее мы сможем подтвердить свои ощущения.

Для того, чтобы определить, какие регионы России являются наиболее опасными с точки зрения распространения в них социальной напряженности, нужно исследовать эти факторы, а затем накладывая друг на друга полученные данные, попытаться получить некий интегральный результат. Безусловно, такая упрощённая модель будет не до конца точной, к ней вполне справедливо могут и должны возникнуть вопросы — но такой метод даст обоснованный ответ, который уже можно обсуждать и использовать.

Дифференциация по доходам как один из факторов несправедливости

Одним из важнейших факторов, который напрямую влияет на степень общественного недовольства, является имущественная дифференциация населения. Чем более равномерно распределены доходы людей по слоям и стратам общества, тем меньшее влияние имеет этот фактор на рост «общественной температуры». Чтобы корректно попытаться его вычислить, можно воспользоваться статистической моделью, основанной на определении долей населения с разным подушевым доходом и вытекающим из них коэффициентом дифференциации доходов населения. Этот коэффициент обычно называют децильным (численно он равен отношению доходов 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных долей населения). В некоторых случаях можно использовать и квинтильный коэффициент (где общество разбивается не на 10, а на 5 страт), но результаты его анализа будут менее очевидными. Тем не менее, он тоже является вполне допустимым.

Социальная статистика накопила достаточный опыт в исследованиях этой модели. Она опирается на закон Паретто, который устанавливает, что между уровнем доходов и числом их получателей существует обратная зависимость, а также на распределение Лоренца, которое представляет из себя кривую концентрации доходов по группам.

Отклонение от идеальной линии абсолютного равенства и характеризует степень несправедливости — чем более вогнута кривая Лоренца, тем менее

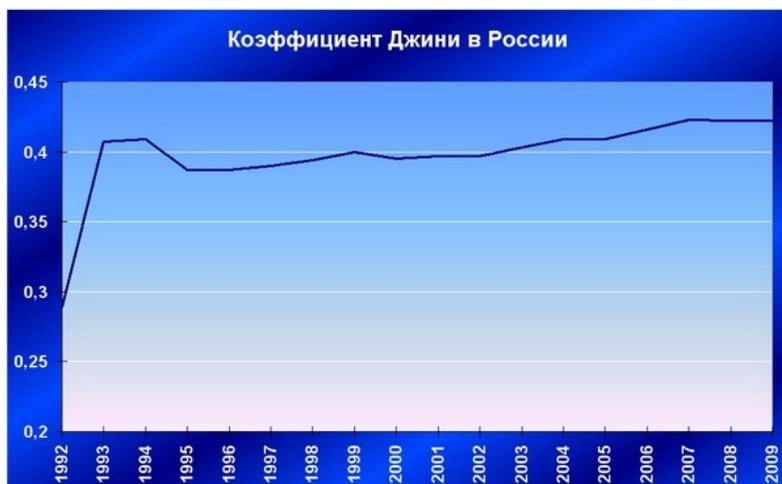
справедливым по распределению доходов оказывается общество.

Математически точно справедливость можно определить с помощью коэффициента Джини, который определяет степень неравенства в распределении доходов населения. Иначе он называется коэффициентом концентрации богатства. Этот коэффициент равен отношению площади фигуры, заключенной между диагональю и кривой Лоренца, к площади треугольника, образуемого диагональю и осями. Значение коэффициента колеблется от 0 до 1. Коэффициент Джини показывает неравномерность распределения доходов. Значение 0 характеризует идеальное общество, которое на кривой Лоренца показано прямой диагональной линией. Единица — гипотетическая концентрация всех доходов в руках одного человека, абсолютно несправедливое общество.

Проблемой всех этих методов является сложность в определении ошибки измерений. Дело в том, что крайне непросто оценивать долю скрытых доходов у разных групп населения, а именно они могут быть основным источником благосостояния этих групп. По разным оценкам, в случае разбиения общества по доходам на пять страт, у первых трех доля теневых доходов находится в интервале от 20 до 30 процентов. У четвертой страты она резко возрастает до 100-200%, а у пятой страты — до 2000%. Именно поэтому численное значение децильного коэффициента, которое вычисляется на основании данных государственной статистики, в разы отличается от данных, которые озвучивают эксперты.

К примеру, если государственная статистика в бюллетене «Социально-экономические индикаторы бедности» определяет коэффициент Джини в России в пределах 0,42, то в отчете Global Wealth Report, подготовленный банком Credit Suisse в октябре 2012 года, коэффициент Джини для России составил 0,84 — в два раза выше. Отчёт указывает, что это значение является самым высоким для всех крупных экономик мира. Правда, специфика метода Credit Suisse заключалась в том, что он считал не распределение по доходам, а распределение по бо-

гательству, что немедленно вызвало критику со стороны российских экспертов. (23.10.12. Радио Финам. Авторская колонка. Брагин Александр. «Реальный уровень благосостояния России — каков он?» <http://finam.fm/post/2412/>)

(На взгляд автора, данные Credit Suisse отвергать сходу нельзя как раз потому, что они учитывают не только легальные и официальные доходы. Когда молоденький следователь подъезжает к рабочему месту на «Бентли», очень сложно втиснуть его случай в официальную статистику,

а неприятие такой справедливости со стороны населения опирается не на данные из бюллетеней, а на свои собственные глаза. Однако, выражая определённые сомнения в официальных статистических данных, логично использовать именно их хотя бы потому, что нам важен сравнительный анализ. Нам нужно выделить те регионы страны, которые по объективным показателям могут стать объектом атаки радикалов)

Аналитическая служба компании «Финэкспертиза» в 2012 году провела сравнительный анализ значения индекса Джини по российским регионам и назвала своё исследование **«Индекс Робин Гуда как показатель социального расслоения общества»**. Темой работы был вывод значения так называемого **«индекса Робин Гуда»** - доли доходов общества, которую необходимо перераспределить для достижения равенства всех его членов. Данные по индексу Джини были сведены в следующую таблицу:

Субъект РФ	Коэффициент Джини	Субъект РФ	Коэффициент Джини
Москва	0,505	Иркутская область	0,415
Самарская область	0,45	Московская область	0,41
Тюменская область	0,447	Республика Бурятия	0,409

Ненецкий АО	0,445	Новосибирская область	0,408
Санкт-Петербург	0,445	Магаданская область	0,407
Свердловская область	0,432	Тамбовская область	0,406
Пермский край	0,431	Омская область	0,406
Ямало-Ненецкий АО	0,431	Кемеровская область	0,404
Республика Башкортостан	0,429	Чукотский авт. округ	0,404
Республика Коми	0,427	Белгородская область	0,403
Красноярский край	0,427	Воронежская область	0,403
Ханты-Мансийский АО	0,424	Новгородская область	0,403
Российская Федерация	0,421	Курганская область	0,402
Сахалинская область	0,416	Челябинская область	0,401
Краснодарский край	0,415	Республика Саха (Якутия)	0,401
Республика Татарстан	0,415	Астраханская область	0,4
Страны, имеющие такой такую же степень концентрации доходов (0,4-0,5): Аргентина, Доминиканская республика, Замбия, Нигерия, Коста-Рика, Зимбабве, Венесуэла.			
Забайкальский край	0,399	Саратовская область	0,377
Орловская область	0,398	Еврейская автономная область	0,377
Ростовская область	0,397	Тульская область	0,375
Республика Дагестан	0,395	Псковская область	0,375
Мурманская область	0,394	Кабардино-Балкарская Республика	0,375
Ульяновская область	0,394	Камчатский край	0,374
Нижегородская область	0,393	Республика Мордовия	0,373
Калужская область	0,388	Вологодская область	0,372
Ставропольский край	0,388	Республика Калмыкия	0,372
Республика Марий Эл	0,387	Республика Алтай	0,372
Томская область	0,387	Рязанская область	0,371
Хабаровский край	0,387	Удмуртская Республика	0,369
Приморский край	0,386	Республика Тыва	0,369
Липецкая область	0,385	Волгоградская область	0,367
Ярославская область	0,385	Республика Северная Осетия - Алания	0,367
Республика Адыгея	0,385	Кировская область	0,367
Брянская область	0,383	Чувашская Республика	0,366
Архангельская область	0,383	Амурская область	0,365
Оренбургская область	0,383	Карачаево-Черкесская Республика	0,364
Курская область	0,381	Костромская область	0,363
Ленинградская область	0,38	Алтайский край	0,362
Пензенская область	0,379	Владимирская область	0,361
Смоленская область	0,378	Республика Карелия	0,36
Республика Хакасия	0,378	Тверская область	0,358
Калининградская область	0,377	Республика Ингушетия	0,358
		Ивановская область	0,356
Страны, имеющие такой такую же степень концентрации доходов (0,3-0,4): Великобритания, Испания, Литва, Польша, Португалия, Италия, Ирландия, Израиль.			

http://slon.ru/economics/karta_nespravedlivosti_rossii-760552.xhtml

Эта таблица выглядит любопытной не только потому, что объясняет очевидную социальную напряжённость в Москве, Самарской, Свердловской областях или в Башкортостане и Татарстане, которые находятся в верхних строках таблицы. Из этой таблицы следует, что по объективным признакам Республика Дагестан, расположенная между относительно спокойными Ростовской и Мурманской областями, в социальном плане тоже должна быть вполне мирной и спокойной. Однако мы видим, что в реальности Дагестан выглядит практически как прифронтовая территория. Это говорит о том, что ситуация в этой республике раскачивается не по объективным причинам. Республика явно подвергается целенаправленной атаке. Против республики работает враждебный нашей стране проект. То же самое можно сказать и о других проблемных республиках Северного Кавказа, в первую очередь, о Кабардино-Балкарии и Ингушетии.

Приведённая выше модель сознательно упрощена для принципиального понимания того, что наука обладает инструментами, позволяющими исследовать столь субъективные явления, как общественное недовольство. Есть более сложные модели, в которых рассматривается совокупность нескольких факторов. Скажем, в работе И.П. Глазыриной и Е.А. Клевакиной (ИПРЭК СО РАН, ЗабГУ) *«Неравенство доходов, темпы и качество экономического роста в регионах России»* глубоко проработан вопрос дифференциации регионов сразу по нескольким показателям, даются выводы о причинах, препятствующих их нормальному развитию, консервации сложившейся социально-экономической системы:

«...в сырьевой экономике политики и связанный с ними бизнес заинтересованы в несовершенстве институтов, при которых облегчается присвоение природно-ресурсной ренты. Это, в свою очередь, формирует неэффективную, но устойчивую институциональную среду, препятствующую экономическому росту. При этом наблюдается также сни-

жение не только темпов, но качества экономического роста, что проявляется в негативных социальных последствиях (в частности, в увеличении неравенства доходов населения и негативном воздействии на окружающую среду и др.). Это, в свою очередь приводит к снижению качества жизни...»

Исследовав российские регионы по нескольким параметрам, авторы приходят к выводу, что наиболее угрожающей ситуация с неравномерным распределением доходов выглядит в казалось бы благополучных сырьевых нефтегазовых регионах, показатели которых в большинстве своём выше средних по стране.

Нужно упомянуть очень серьёзную работу директора Всероссийского центра уровня жизни д.э.н. В.Н. Бобкова **«Россия как реальность. Каким быть неравенству и качеству уровня жизни?»**, опубликованную в журнале «Мир России» №3 в 2009 году. В ней он рассматривал дифференциацию по регионам такого важного показателя, как индекс развития человеческого потенциала (нормативная оценка здоровья, образованности и материальных ресурсов, необходимых для развития человека). Работа изобилует фактическим материалом и его качественным анализом. Вывод, сделанный В.Н. Бобковым, перекликается с выводами других авторов:

«...одна из центральных проблем российской жизни: неадекватно высокое социально-экономическое неравенство в качестве и уровне жизни населения в большинстве российских регионов. Почему решение этой проблемы не поставлено в центр государственной социально-экономической политики, можно только догадываться...»

В.Н. Бобков выделил 8 регионов России, в которых из четырех выбранных им индикаторов три и более свидетельствовали о социальном неблагополучии.

Всего 67 регионов страны в его модели демонстрируют свою уязвимость в плане нерешённости социальных проблем.

Делая предварительные выводы, можно сказать, что существуют методы, модели и индикаторы, позволяющие с той или иной степенью достоверности отслеживать объективные показатели, по которым можно вполне уверенно отслеживать уровень общественного недовольства. Разные модели дают отличающиеся друг от друга результаты, но в целом они позволяют сделать обобщённый вывод: в плане социальной стабильности наибольшее беспокойство вызывают сырьевые регионы страны и крупнейшие мегаполисы. Все индикаторы в той или иной мере показывают, что с ростом валового регионального продукта, то есть с ростом благосостояния региона, увеличивается и имущественное расслоение, принимая значения выше, чем в среднем по стране. Правящая региональная элита неадекватно или вообще никак не реагирует на эту ситуацию, в связи с чем угроза социальной стабильности в этих важнейших регионах только растёт. Пока она не приняла критических значений, однако тенденция налицо.

Стоит ли удивляться, что именно в этих регионах растёт присутствие радикальным исламистов, именно в эти регионы в массовом порядке направляются мигранты из числа выходцев из исламских республик бывшего Советского Союза и мусульманских регионов России. Социальная напряжённость дополняется ростом коррупции, преступности, наркомании, и в конечном итоге ростом радикальных настроений, отторжения людей от власти.

При этом основные события, связанные с вооружённой борьбой радикальных исламистских группировок против органов государственной власти России, происходят в регионах, где по объективным показателям ситуация не выглядит критической. Во всяком случае, индикаторы показывают в этих регионах более благополучную ситуацию, чем в указанных выше.

Мы можем констатировать, что перед нами возникает картина масштабной проработанной военной операции. Её основной замысел - нанесение отвлекающих ударов на второстепенных направлениях и подготовка к удару на главном. Очевидно, что исламисты не в состоянии обрушить ситуацию в республиках Северного Кавказа. У них нет там достаточной опоры, региональные элиты относятся к исламистам враждебно, хотя не исключено, что используют их в текущих тактических целях как инструмент, все равно лежащий под рукой. Федеральная власть внимательно отслеживает ситуацию в регионе Северного Кавказа, насыщает его ресурсами, и предположить в таком случае, что там объявится серьёзная сила, способная нанести решительное поражение России, попросту нелепо.

Однако отвлечение внимания приводит к тому, что действительно проблемные регионы страны — Поволжье, Север и в крупнейшие мегаполисы — остаются либо без внимания, либо власть со значительным опозданием и неадекватно реагирует на угрозы и вызовы на этих территориях.

В этих регионах сегодня формируется исламистское подполье, которое пока не ведёт активных действий, однако при этом активно проводит вербовку, агитацию, формирует исламистскую моду в молодежной среде. «Арабская весна» на Ближнем Востоке привела к созданию мощной мобилизационной структуры джихада на огромных территориях как Ближнего Востока, так и Европы, России, Средней Азии. В России это привело к возникновению вербовочных пунктов на базе подпольных и полуподпольных ваххабитских мечетей и «модельных комнат» в мегаполисах и проблемных регионах. Пока такая мобилизационная структура работает на продолжение войны в Сирии, однако надеяться на её ликвидацию после окончания сирийского конфликта явно не приходится.

Из этих регионов отправляется на войну в Сирии значительная часть воюющих в этой стране выходцев из России. Сирийцы, не особо разбираясь в дета-

лях, называют всех россиян «чеченцами», однако эти «чеченцы» уже в значительной мере представлены как раз выходцами из других регионов России — Татарстана, Саратовской области, Башкирии. Активную вербовочную деятельность в этой среде проводит печально известный бывший узник Гуантанамо Салман Булгарский (он же Айрат Вахитов, выходец из Набережных Челнов). Наивно предполагать, что бывший узник Гуантанамо был запросто выпущен

без обязательств работы на спецслужбы США. Видимо, в этом разрезе и нужно рассматривать деятельность его и ему подобных. Работа вербовщиков ведется исключительно на русском языке и популярных социальных сетях в интернете. Это говорит о том, что целевая аудитория вербовщиков —

русскоязычная молодежь.

Для организации эффективного противодействия такому сценарию простых решений недостаточно. Сочетание объективных процессов, ухудшающих социальную стабильность в проблемных регионах, с проектностью враждебной деятельности исламистского подполья, постепенно накапливает кумулятивный эффект.

Особую тревогу вызывает тот факт, что проблемные регионы являются критически важными для нормального функционирования всей экономики страны. Волнения или социальный взрыв в сочетании с резким ростом террористической активности в нефте- и газодобывающих провинциях и финансовых центрах страны мгновенно парализуют и без того находящуюся в тяжёлом положении экономику. При организации мощной (пусть даже разовой) атаки в этих регионах у исламистов может появиться шанс на то, что экономика попадёт в ситуацию коллапса, а это немедленно отразится на общей устойчивости страны.

Заключение

Во второй части книги будут рассмотрены вопросы взаимодействия ваххабитского подполья с преступной уголовной средой, технология вербовочной работы, деятельность ваххабитов в Сети, их связи с властными структурами в регионах и методы воздействия на духовных авторитетов. Речь не пойдёт о разоблачениях и ледящих душу подробностях — это на самом деле не столь важно. Гораздо важнее понять, в каких направлениях действует ваххабитское подполье для укрепления своих позиций на незнакомой и враждебной им территории.

Конечная цель радикального ислама — построение государства, защищающего фундаментальные ценности, которые исповедуют его адепты. Ваххабизм два столетия методично работал над этой задачей. Время не значит ничего — если потребуются, ваххабиты будут дожидаться своего часа столетиями.

Чисто полицейская деятельность по пресечению экстремистских и радикальных организаций и группировок важна и необходима — однако никогда нельзя забывать о том, что перекладывание ответственности лишь на правоохранительные органы и органы безопасности не сможет создать непреодолимого барьера для этого опасного и предельно враждебного нам проекта. Непременным условием для его закрытия является создание условий, исключающих возникновения масс приверженцев идеологии ваххабизма. И лучшим условием, безо всякого сомнения, станет своя собственная идеология справедливости и созидания, которая будет разделяться большинством населения страны.

Пока эта идея не сформулирована и не запущена «в реализацию», угроза ваххабизма, а также всех остальных враждебных нашей стране, народу и уникальной русской цивилизации проектов будет сохраняться на недопустимо высоком уровне.